

АНО «Социологическая мастерская Задорина»
(Исследовательская группа ЦИРКОН)
109028, Москва, ул. Солянка, д.3, стр.1,
тел./факс: (495) 621-3415,
www.zircon.ru, info@zircon.ru

Измерение степени ценностной солидаризации и уровня общественного доверия в российском обществе

**Аналитический обзор по результатам
анализа вторичных источников**

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
РЕЗЮМЕ	4
ГЛАВА 1. ЗАПАДНАЯ ТРАДИЦИЯ	8
1.1. Обзор теоретических трудов	8
<i>Этапы развития европейской мысли</i>	8
<i>Теории американских ученых</i>	12
1.2. Обзор эмпирических исследований и прикладных аспектов солидаризации	14
<i>Ключевые исследования</i>	14
<i>Индекс доверия Мишлера-Роуза</i>	18
<i>Индикаторы в массовых опросах</i>	21
ГЛАВА 2. ВОСТОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ	26
2.1. Обзор теоретических трудов	26
<i>Солидарность и доверие в конфуцианстве</i>	26
<i>Солидарность и доверие в исламе</i>	27
<i>Солидарность и доверие в буддизме</i>	29
2.2. Обзор эмпирических исследований и прикладных аспектов солидаризации	30
ГЛАВА 3. РОССИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ	37
3.1. Обзор теоретических трудов	37
<i>Понятие солидарности и его вариации</i>	37
<i>Доверие как комплементарное солидарности понятие</i>	40
<i>Идеи солидарности и доверия в марксизме-ленинизме и анархизме.</i> <i>Противопоставление государственного единства и общественной</i> <i>солидарности</i>	43
3.2. Обзор эмпирических исследований и прикладных аспектов солидаризации	44
<i>Исследования уровня доверия как метод вычленения ценностей</i> <i>солидаризации в российском обществе: ВЦИОМ</i>	45
<i>Исследования солидарности в России</i>	48
<i>Исследования социального капитала, ценностей и солидарности</i>	50
<i>Патриотизм и солидарность</i>	55
ПРИЛОЖЕНИЕ	60
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	65

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий документ представляет собой анализ теоретических и эмпирических работ в информационном поле солидарности в обществе. Под теоретическими работами в данном контексте понимаются научные статьи, монографии, исторические и ретроспективные описательные исследования, в дискурсе которых рассматриваются понятия солидарности и комплементарные ему понятия консолидации общества, доверия, социального капитала, гражданской идентичности, ценностных ориентаций. Эмпирические работы, представленные в данном аналитическом материале в своем фокусе имеют аналогичный набор теоретических конструктов, однако, помимо теоретической базы, представляют интерес с методологической точки зрения и предлагают разнообразного рода подходы к измерению ценностей, компонент социального капитала, гражданской и этнической идентичности. Кроме того, выводы, полученные в эмпирических исследованиях, которые представлены в данной аналитической работе, могут служить хорошей базой для сравнения результатов, полученных при проведении текущего исследования.

По итогам проведенной аналитической работы, в тематическом поле солидаризации общества в России можно выделить следующие смысловые конструкты:

- Социальный капитал
- Гражданская идентичность
- Этническая идентичность
- Межличностное доверие
- Институциональное доверие
- Ценности
- Патриотизм

Эмпирические исследования в различных традициях (западной, восточной и русской) в фокусе внимания имеют несколько различающиеся понятия, однако, в процессе глубинного анализа материалов получилось произвести некоторое теоретическое обобщение: так или иначе, исследовательский интерес в теоретическом поле солидаризации сводится к изучению тех или иных показателей и индикаторов социального капитала. Поскольку данное понятие все еще не операционализировано должным образом в существующих на данный момент исследованиях и теоретических работах, справедливым будет отметить, что такого рода разночтения в существующих исследованиях не случайны, их происхождение кроется в сложности и многогранности основного объясняющего теоретического конструкта. В данном аналитическом обзоре предпринимается попытка операционализации концепта социального капитала в рамках исследования солидаризации российского общества.

РЕЗЮМЕ

В работе были рассмотрены ключевые подходы к изучению понятия солидарность и комплементарных ей понятий (доверие, соборность, социальный капитал, сети взаимопомощи) в работах отечественной и зарубежных ученых, в том числе, на примерах прикладных исследований. Анализ проходил через призму трех традиций – западной, восточной и российской.

Различные социокультурные условия и методологические подходы в исследованиях, а также специфика конкретных социологических исследований привели к плюрализму взглядов и толкований рассматриваемого понятия.

Анализ особенностей, функций и взаимосвязей этого понятия с другими важными понятиями социологической теории, дает основания отстаивать позицию, согласно которой термины «солидаризм», «социальная солидарность» описывают состояние общества или большой социальной общности, при котором имеют место: единство ценностей, идей, убеждений, взглядов, интересов, целей общества, общность норм, а также функциональная взаимозависимость и согласованность в выступлениях и действиях, связанных с реализацией интересов (достижением целей) этого общества или большой социальной общности. Предложенное определение, несмотря на его обобщенность, имеет достаточный потенциал для применения в эмпирических исследованиях солидарности в конкретном обществе.

Солидарность является важной предпосылкой гармоничного развития общества, и изучение этого явления имеет первоочередное значение не только для объяснения механизмов функционирования социума, но и исходя из практических задач государства.

Исходя предшествующего опыта теоретического постижения основных особенностей солидарности в работах отечественных и зарубежных ученых, а также использования ряда индикаторов в эмпирических исследованиях, могут быть сформированы набор измерителей и соответствующий инструментарий исследования ценностной солидаризации в локальных сообществах.

По итогам обзора эмпирических исследований солидарности в России и в мире можно заключить, что центральным понятием, пусть и измеряемым различным образом, является социальный капитал в сетях взаимодействия. Наиболее часто встречается методика измерения социального капитала в двух перспективах – нормативном и структурном, то есть с позиции оценки интериоризации ценностей в группе и включенности индивида в сети различного рода взаимодействий (сети взаимопомощи в широком смысле).

Кроме того, в большом количестве исследований помимо социального капитала в анализ включается и гражданская идентичность (рассматриваемая как часть социального капитала). По итогам проведенного обзора источников можно предложить следующую структуру измерения солидаризации в обществе с помощью концепций социального капитала и гражданской идентичности (см. табл. 1).

Таблица 1. Структура параметров солидаризации

Концепт	Основные индикаторы	Частные индикаторы	Вопросы анкеты	Источник
Социальный капитал	Социальные сети онлайн	Пользование различными соц. сетями (Twitter, FB, VK, Одноклассники)	Вопросы об участии в социальных сетях Количество друзей в социальных сетях	RLMS-HSE
		Частота пользования		
		Возможность взаимопомощи от «онлайн» -друзей		
	Доверие	Общее доверие	Если говорить в общем, вы могли бы согласиться с тем, что большинству людей можно доверять, или никогда нельзя «перестараться» с осторожностью, в случае взаимодействия с людьми?	RLMS-HSE
Институциональное доверие		Вопросы о доверии различным социальным институтам Как вы считаете, российские средства массовой информации освещают события, происходящие в современной России, в целом объективно или необъективно? Есть ли источники информации, которым вы доверяете больше, чем остальным? И если да, то каким именно? Назовите не более трех таких источников.	Доверие российским СМИ. Объективны ли СМИ в освещении событий? И стоит ли им быть более критичными к властям?	
Церковная вовлеченность	Включенность в церковную общину	Как часто вы посещаете религиозные мероприятия? Могли бы Вы сказать, что религия дает Вам дружбу, поддержку других верующих?	RLMS-HSE	
	Посещение церковных мероприятий			
	Ощущение поддержки от церкви			
Реальные социальные сети	Получение помощи от родственников	У вас есть родственники, живущие отдельно?	RLMS-HSE	

Концепт	Основные индикаторы	Частные индикаторы	Вопросы анкеты	Источник
		Оказание помощи родственникам	Как часто Вы общаетесь, то есть встречаетесь, переписываетесь по электронной почте или разговариваете по телефону, Скайпу, с родственниками, живущими отдельно? (с кем общаетесь чаще всего)? Как часто Вы общаетесь, то есть встречаетесь, переписываетесь по электронной почте или разговариваете по телефону, Скайпу, с друзьями? (с кем общаетесь чаще всего) Количество близких друзей Как часто Вы испытываете чувство одиночества?	
	Социальные ресурсы (сети взаимопомощи)	Помощь при проблемах со здоровьем	Представьте не очень приятную ситуацию - К кому Вы сможете обратиться?	RLMS-HSE Maluccio J., Haddad L., May J. Social capital and household welfare in South Africa Grootaert C., Narayan D., Jones V.N., Woolcock M. Measuring social capital: an integrated questionnaire
		Помощь домохозяйству/общине	Время, проводимое в процессе решения вопросов, связанных с нуждами общины/домохозяйств в целом	
		Совет в сложной жизненной ситуации		
		Необходимость занять небольшую сумму денег		
Гражданская идентичность		Патриотизм	Вопросы об отношении к собственной стране, культуре, языку, природе, гордости, национальности В какой степени Вы ощущаете себя представителем своего государства? Какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы гражданин своего государства? Хорошо, когда люди разных рас и национальностей живут в одной стране? Мигранты имеют такое же право выбирать будущее России, как и люди, которые здесь родились и выросли? Вы считаете или не считаете себя патриотом?	«Ценности и социальный капитал как основа социально-экономического развития» Н. Лебедева и А. Таттарко ФОМ «Патриотизм. Можно ли вслух называть себя патриотом? И обязательно ли патриот должен считать свою страну лучшей?»
		Этническая идентичность		
		Сила и валентность гражданской идентичности		

Концепт	Основные индикаторы	Частные индикаторы	Вопросы анкеты	Источник
			<p>С вашей точки зрения, какую часть россиян можно назвать патриотами: всех, большинство, половину, меньшинство или никого?</p> <p>По вашему мнению, какую часть ваших знакомых можно назвать патриотами: всех, большинство, половину, меньшинство или никого?</p> <p>Как вам кажется, за последние годы среди россиян стало больше патриотов, меньше, или в этом отношении ничего не изменилось?</p>	
	Ценностные ориентации	Методика Шварца	<p>Полярные суждения о наиболее значимых ценностных категориях.</p> <p>Вопросы о морали, нравственности</p>	«Ценности и социальный капитал как основа социально-экономического развития» Н. Лебедева и А. Тартарко
		Представления об идеальном обществе	Чем для вас является идеальное общество?	Россия и Китай: опыт сопоставительного изучения социальных изменений в период реформ. РАН

ГЛАВА 1. ЗАПАДНАЯ ТРАДИЦИЯ

1.1. Обзор теоретических трудов

Этапы развития европейской мысли

Этимология термина «солидарность» (от франц. – solidarite) уходит своими корнями в потребность объединения таких понятий как общность интересов, взаимосвязанность, единомыслие, единомушие, взаимозависимость, совместную ответственность, круговую поруку. Она становится принципом социального существования стран Западной Европы, предполагающим объединение ресурсов и возможностей акторов для достижения общих целей при сохранении интересов каждого из субъектов в равновесии с общественными интересами.

В истории европейской социальной мысли, отношение к понятию солидарности было далеко неоднозначным: от резкой его критики (Ж. Сорель и другие французские анархо-синдикалисты) до обоснования того факта, что солидарность является нормой, ввиду ее юридического характера.

Европейские ученые и исследователи при определении понятия «солидарность» в большинстве случаев перечисляют те или иные характеристики этого явления, зачастую отождествляя понятия «солидарность» и «солидаризм». До сих пор нет единства мнений исследователей о том, кто именно и когда ввел данное понятие в научный оборот. Общим в различных трактовках понятия солидаризм является определение его как деятельности, направленной на поиски взаимопонимания, согласия и сотрудничества между людьми, организациями, странами. И в этом смысле понятия солидарность и солидаризм отождествляются.

Тем не менее, имеет смысл определить различия между двумя вышеуказанными понятиями. Солидарность – это реальное состояние общества, характер социальных отношений между взаимосвязанными и взаимозависимыми социальными субъектами. В то время как солидаризм рассматривают и как политическую идеологию, и как философское учение, и как социальную технологию и соответствующую управленческую практику, основанную на идее общего блага, солидарности и согласования интересов и ценностей.

В узком смысле термин «солидаризм» иногда используется как синоним корпоратизма – идеологической доктрины, возникшей в конце XIX в. в противовес марксизму. Сторонники корпоратизма выступали за создание корпоративных государств, где классовая борьба заменялась бы классовым сотрудничеством во имя процветания государства-корпорации. Другие трактовки солидаризма также фиксируют тот факт, что в данной концепции делается ставка не на классовую борьбу, а взаимопонимание, сплоченность, солидарность, взаимозависимость всех социальных групп, гармонии интересов работодателей и наемных работников. В этом смысле солидаризм рассматривается как учение об обществе, утверждающее солидарность его частей.

Распространение получила также точка зрения, что солидаризм – это эклектичная идеология, включающая в себя элементы французской экономической доктрины, и итальянской философии тоталитарной направленности.

Необходимость поиска новых форм взаимодействия социальных субъектов при усиливающемся классовом конфликте буржуазного общества в Европе привели к широкому распространению идей солидарности и солидаризма на рубеже конца XIX – начала XX вв. Прежние социальные институты традиционного общества – семья, соседская община, религия – стали терять свою значимость и силу, и возникла угроза устойчивости общества. Общим в этих идеях и трактовке самих понятий является выделение принципов взаимодействия, основанного на согласии, сотрудничестве и взаимопонимании разных субъектов взаимодействия. В теориях Э. Дюркгейма, В. Парето, О. Конта и других солидарность рассматривается как условие развития общества и его конституирующий признак.

В работе «О разделении общественного труда»¹ Дюркгейм обосновал невозможность сугубо экономического объяснения возникновения разделения труда, согласно которому труд разделяется между обладающими различными способностями индивидами. Согласно Дюркгейму, различия между людьми существовали отнюдь не от века – напротив, первобытное (архаическое) состояние характеризовалось практически полной тождественностью и взаимозаменяемостью индивидов. Следовательно, возникновение различий между людьми, дифференциации их способностей само должно быть объяснено всецело социальными причинами, а, значит, и не может служить исходным пунктом в объяснении возникновения разделения труда.

Для решения этой задачи Дюркгейм вводит два понятия – механической и органической солидарности. Первая характерна для архаических обществ, в которых отсутствует функциональная дифференциация индивидов. Их единство поддерживается коллективным сознанием, определяемым как «совокупность общих верований и чувств, свойственных, в среднем, членам какого-либо общества». Эта совокупность имеет собственную жизнь, не сводимую к жизни отдельных индивидов. Коллективное сознание существует в любом обществе, однако, в архаическую эпоху оно является единственной силой, связывающей общество, и полностью поглощает индивидуальное сознание. Естественно, что это приводит к практически полной тождественности всех членов первобытного коллектива.

Напротив, органическая солидарность существует в развитых обществах, и основу ее составляет функциональная взаимозависимость индивидов, т.е. взаимодействие на основе разделения труда. Следовательно, объяснить возникновение разделения труда можно лишь раскрыв механизм разложения механической солидарности и превращения ее в солидарность органическую. Согласно Дюркгейму, по мере роста механической плотности (количество населения на единицу площади) и моральной плотности (интенсивность контактов), происходит усиление борьбы между индивидами, которая начинает угрожать единству общества. Мирным способом разрешения этой борьбы и является возникновение органической солидарности. В условиях последней роль прежних традиционных верований в поддержании социальной солидарности заметно уменьшается. Благодаря этому общество оказывается в перманентном состоянии аномии, т.е. потери устойчивой ценностной системы.

¹ Дюркгейм Э., Гофман А. Б., Сапов В. В. О разделении общественного труда. – Канон, 1996.

Для механической солидарности характерно следующее (материальные социальные факты): низкий уровень разделения труда (индивиды практически могут заменять друг друга в выполнении производственных и общественных функций), социальные структуры слабо дифференцированы, их функции носят жесткий, рельефно выраженный характер. Им соответствуют духовные социальные факты: наличие общей для всех морали, общих ценностей и норм, общей для всех религии или идеологии; одинаковость отношений индивидов к обществу, существующим структурам; их сходство, особенно по индивидуальному сознанию, которое полностью подчиняется сознанию коллективному, что создает ситуацию, когда люди связаны между собой подобно “социальным молекулам”, не имеющим возможности для “собственных движений”. Поэтому-то социолог предложил назвать этот вид солидарности механическим. “Солидарность, вытекающая из сходств, – отмечает Дюркгейм, – достигает своего максимума тогда, когда коллективное сознание точно покрывает все наше сознание и совпадает с ним во всех точках; но в этот момент наша индивидуальность равна нулю”.

Органическая солидарность предполагает качественно иное разделение труда, связанное с выполнением каждым индивидом специфических профессиональных и общественных функций, которые в силу сложности и специфичности не могут быть выполнены всеми. Резко увеличивается количество структур и их функций. Люди отличаются друг от друга, имеют свою собственную сферу деятельности, своеобразное индивидуальное сознание и, следовательно, являются личностями. Влияние общества на индивида не утрачивается, но коллективное сознание оставляет открытой часть индивидуального сознания, которую оно не может регламентировать. “И чем обширнее эта область, тем сильнее связь, вытекающая из этой солидарности. Действительно, с одной стороны, каждый тем теснее зависит от общества, чем более разделен труд, а с другой – деятельность каждого тем личностнее, чем она более специализирована... Здесь, стало быть, индивидуальность целого возрастает вместе с индивидуальностью частей; общество становится способнее двигаться согласованно, в то время как каждый из его элементов производит больше собственных движений”. В обществах с механической солидарностью доминирует репрессивное право со всеми вытекающими последствиями для морали, коллективного сознания и коллективных представлений. Соответственно эти социальные факты в конечном счете определяют характер прав и свобод индивида – они практически отсутствуют. В обществах с органической солидарностью действует реститутивное право, суть которого сводится к восстановлению порядка вещей. «В этом случае тому, кто нарушил закон или не знал его, не причиняется страдания, он просто приговаривается к подчинению ему. Если имеют место уже свершившиеся факты, то судья приводит их к нормальному состоянию. Он утверждает право, но не наказание. Возмещение убытков не имеет карательного характера». По Дюркгейму, фактором, обеспечивающим переход общества от механической солидарности к обществу органической солидарности, является динамичная плотность, которая предполагает радикальные и одновременные изменения двух параметров общества (наличие одно из них недостаточно для этих перемен). Речь идет, во-первых, о резком увеличении численности населения и во-вторых, – столь же значительном увеличении взаимодействия между людьми. Эти компоненты динамичной плотности, будучи взятыми вместе, приво-

дят к утверждению более эффективных общественных отношений, позволяющих при сохранении дефицита ресурсов мирно сосуществовать все большему числу людей.

Если в архаических («сегментарных») обществах социальная солидарность основана на полном растворении индивидуальных сознаний в «коллективном сознании» («механическая солидарность»), то в развитых («организованных») социальных системах она основана на автономии индивидов, разделении функций, функциональной взаимозависимости и взаимообмене («органическая солидарность»), причем «коллективное сознание» здесь не исчезает, но становится более общим, неопределенным, его состояния становятся менее интенсивными, и оно действует в более ограниченной сфере.

В то же время многие другие авторы – Л. Дюги, Ш. Жид, Л. Буржуа – едины в признании за солидаризмом такого принципа социального устройства, при котором движущей силой общественного развития является не классовая борьба, а единодушие членов общества, отношения солидарности его членов и взаимозависимость всех социальных групп, гармония интересов труда и капитала.

С учетом того, что идеи солидарности и солидаризма имеют свою историю развития, целесообразно выделить несколько содержательных этапов в их развитии.

Основоположником первого этапа (40-е гг. XIX – начало XX в.) можно считать французского философа-утописта, автора доктрины христианского социализма и последователя А. Сен-Симона – П. Леру, хотя сам термин «солидаризм» появился уже после него. Позднее Э. Дюркгейм разработал учение о механической и органической солидарности, различия между которыми он определял степенью развитости общества и разделения труда. Он определяет понимание солидарности – как морального явления.

Солидаризм возникает как ответ на популярные в XIX в. идеи коммунизма и социализма, проповедовавшие классовую борьбу. Сторонники и теоретики солидаризма (Ш. Ренувье, Л. Буржуа и др.) пытались обосновать, что движущей общественной силой является общность интересов, совместная ответственность и стремились не к обострению классовой и иной борьбы, а, наоборот, к гармонизации общества насколько это возможно.

Второй этап целесообразно связать с развитием политических программ, в основе которых лежали идеи солидаризма (начало XX – 60-е гг. XX в.). Одним из интеллектуальных лидеров европейского солидаризма был В. Парето, создатель теории элит и корпоративной теории общества, в основе которой лежит попытка выработать способы решения современных конфликтов на предприятиях и поиск общественного равновесия.

Третий этап в развитии идей солидарности и солидаризма можно обозначить с 1960-1970-х гг. по наши дни. В это время идеи солидарности и солидаризма зачастую воспринимаются как тождественные, и на их основе развиваются такие концепции как «социальное партнерство», «ассоциация труда и капитала» и др. Теоретики солидаризма не ограничиваются религиозно-философскими рассуждениями, а все чаще формулируют рекомендации для утверждения согласия в обществе. Важную роль здесь играет так называемый «принцип субсидиарности» – оптимальной поддержки и распределения как помощи, так и ответственности.

К разновидностям солидаризма относят анархизм, анархо-синдикализм, коммунизм, корпоративизм, некорпоративизм, лейборизм, христианскую демократию. Общим в этих течениях является признание возможности взаимодействия различных социальных субъектов на основе солидарности и кооперации, а не конфронтации и конфликта, а также убежденность, что все части социального организма могут сотрудничать и выстраивать общие цели.

В русле западной традиции актуален поиск ответа на вопрос: как в обществе возможен учет и согласование интересов входящих в него индивидов и групп. Эту линию развивает, в частности, П. Штомпка². Он пишет, что мораль предполагает нормативность, обязательность определенного отношения к другим людям, такого отношения, которое может считаться оправданным, порядочным, достойным. Согласно его теории, только моральная связь между людьми может обеспечить устойчивость общества, при этом моральная связь понимается как доверие, лояльность (обязательство не нарушать доверие других), солидарность.

Солидарность П. Штомпка определяет как заботу об интересах других и готовность предпринять какие-то действия для их защиты. П. Штомпка считает патологическими (угрожающими здоровью социальной ткани) такие представления людей, которые ослабляют моральные связи. Он находит три признака такой патологии:

- культура цинизма – антитеза доверию: недоверие, подозрительность, приписывание другим низменных мотивов;
- культура манипуляций как антитеза лояльности – использование доверия других, мошенничество, обман;
- культура безразличия как антитеза солидарности – заинтересованность только в своих делах, эгоизм, равнодушие к страданиям других людей.

Теории американских ученых

Измерение солидарности и доверие в трудах американских ученых следует рассматривать через призму концепции социального капитала, и, в прежде всего, Р. Патнэма³, который буквально заново открыл для научного сообщества феномен группового социального капитала. Социальный капитал определяется им как «особенности социальной организации, такие как: доверие, нормы и социальные сети, которые могут улучшить эффективность общества». В своей работе «Социальный капитал: измерение и следствия» он обозначил центральную идею социального капитала следующим образом: «социальные сети и связанные с ними нормы реципрокности имеют значение. Они имеют значение как для людей, в них включенных, так и производят определенные экстерналии, по крайней мере в некоторых случаях: в этом и заключаются приватное и публичное лица социального капитала». Кроме того, Р. Патнэм замечает, что, как и любой другой капитал, социальный нельзя назвать гомогенным или однородным. Стало быть, при отсутствии гомогенности необходимо рассуждать и о многомерном измерении социального капитала.

² Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. 416 с.

³ Putnam R. D. Social Capital: Measurement and Consequences // Canadian Journal of Policy Research. 2001. Vol. 2(1). pp. 41-51.

Предлагая свою структуру социального капитала, а именно, социальные нормы, социальные связи и доверие, Р. Патнэм говорит о том, социальный капитал является продуктом взаимодействия внутри сетей, в которых укорены некоторые нормы, облегчающие коллективное действие, что и способствует наращиванию капитала. Стало быть, согласно Р. Патнэму, социальные сети есть структурный элемент, неизменный и стабильный, в рамках которого и производятся образцы взаимодействия, позволяющие избегать оппортунизма и повышать индекс доверия в обществе. Благодаря повторяющимся актам взаимодействия на почве сетей и норм, доверие принимает характер группового (происходя из межличностного), что, в целом, приводит к доверию в обществе и более простому функционированию политических и иных институтов.

Классификация социального капитала по принципу силы связей началась с работ М. Вулкока⁴, который исходит из интуитивно понятной идеи о том, что социальный капитал заключается в том, что семья, друзья и знакомые представляют собой некий актив для конкретного человека, которым этот человек может воспользоваться.

Кроме того, М. Вулкок отмечает, что подобная позиция справедлива как для индивидов, так и для социальных групп и организаций. Общества, в которых количество социальных организаций и объединений больше, находятся в более сильной позиции в противостоянии нищете или уязвимости, разрешении конфликтов и использовании возможностей, нежели те, где количество организаций меньше.

М. Вулкок одним из первых предложил разделение социального капитала по признаку силы связей внутри сетей взаимоотношений – на связывающий и открытый. Данную классификацию М. Вулкок демонстрирует на примере представителя бедного сословия: «для бедного человека характерно наличие близких семейных отношений и сильного связывающего капитала, однако ему недостает более разнообразного и обширного открытого капитала, который существует у небедных». Это означает, что важны не столько ресурсы, заключенные в сети взаимоотношений, или сила связей в этих сетях, сколько определенная комбинация открытого и связывающего социального капитала, которая является выигрышной для индивида в данных обстоятельствах.

Уровни сетей взаимоотношений индивидов разрабатывал Н. Лин⁵. Он выделяет три таких уровня взаимоотношений (слоя сетей). Первый, наиболее интимный и наиболее доверительный – на нем связи предполагают общие переживания и взаимную поддержку. Обычно, как утверждает Н. Лин, такие сети предполагают реципрокность и интенсивные взаимодействия (сильные связи и плотную сеть). Такие отношения и связи Н. Лин называет пронизывающими.

Второй слой сетей Н. Лин характеризует как обменивающийся информацией и ресурсами, индивиды которого не обязательно контактируют каждый-с-каждым. Такие отношения характерны для большинства социальных сетей со слабыми и

⁴ Woolcock M. Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework // *Theory and Society*. 1998. Vol. 27(2). pp. 151-208.

⁵ Lin N. Social Networks and Status Attainment // *Annual Review of Sociology*. 1999. Vol. 25(1). pp. 467-487.

сильными связями. Этот слой Н. Лин называет связывающим. Иными словами, этот слой можно представить как социальный круг общения.

Третий слой – все остальные взаимодействия, не характеризующиеся каким-либо постоянством, однако, основная его особенность в том, что индивиды ощущают принадлежность к этому слою. Н. Лин приводит в пример религиозную или клановую принадлежность. Такие отношения можно назвать открытыми.

Среди современных западных исследователей заметна ориентация на создание интегрированных теорий, как например, в модели жизненного цикла познания (Lifetime Learning Model, LTL – M), разработанной У. Мишлером и Р. Роузом⁶.

Одно из теоретических допущений модели сформулировано сообразно положениям культурологических теорий доверия и означает, что изначально межличностное доверие формируется как результат раннего, дополитического опыта и может проектироваться на политические институты. Второй тезис основан на идеях институциональных теорий доверия и устанавливает соответствующее допущение о возможности усиления или пересмотра изначально предиспозиций доверия (или недоверия) к политическим институтам.

Устойчивое доверие, согласно логике модели, характерно для демократических обществ с длительно функционирующей структурой институтов, обеспечивающей условия для подкрепления позитивных ранних ориентаций. И если для стабильных обществ в структуре доверия ощутимо влияние культурологических факторов, то в переходных демократиях это влияние нивелируется.

1.2. Обзор эмпирических исследований и прикладных аспектов солидаризации

Ключевые исследования

Как уже отмечалось ранее, концепция социального капитала и его влияния на экономическое развитие является крайне актуальным вопросом для исследователей. Уже давно очевидно, что для того, чтобы, к примеру, в рамках государства получить сколько-нибудь значимые рекомендации относительно экономического развития, сокращения уровня бедности или повышения общего уровня благосостояния, объемы социального капитала – один из показателей, которые необходимо учитывать. Соответственно, производились множественные попытки получить единый, корректный и полный показатель для измерения социального капитала. Однако, как отмечает Вулкок, это, скорее всего, невозможно по следующим причинам:

1. Наиболее полные определения социального капитала многомерны и включают в себя большое количество уровней и блоков для анализа;
2. Природа и формы социального капитала изменяются с течением времени, поскольку смещается баланс между неформальными организациями и формальными институтами.

⁶ Mishler W., Rose R. What are the origins of political trust? Testing institutional and cultural theories in post-communist societies // Comparative Political Studies. 2001. Vol. 34(1). pp. 30-62.

Поскольку не существует лонгитюдных кросс-культурных исследований социального капитала, каждый исследователь вынужден выстраивать сложный индикатор, включающий в себя множество показателей (измерение уровня доверия, уверенности в правительстве, стандарты голосования на выборах, социальную мобильность и пр.)

В целом, эмпирические исследования в области измерения социального капитала могут быть разделены на микро и макроуровневые: на микро- уровне обычно принято изучать индивида и его включенность в социальные сети, на макро уровне принято изучать конфигурации сетей и взаимодействия между социальными образованиями (по Лину – внутренний и внешний социальные капиталы).

Начиная с 1990х годов, во многих мониторинговых и лонгитюдных исследованиях имеются блоки вопросов о социальном капитале. Мировой банк разработал специальную анкету с интегрированными вопросами для измерения социального капитала. В ней предлагается шесть направлений измерения: группы и сети (участие в социальных организациях и неформальных сетях и отдача от них); доверие и солидарность (общее доверие и доверие разным категориям людей); коллективные действия и кооперация (деятельность в сообществе над проектом или при проблемной ситуации); информация и коммуникации (способы и пути для бедных домохозяйств получить информацию о рынке, социальных услугах, доступ к коммуникациям); социальное единство и инклюзия (какие группы исключены из социальных услуг); расширение возможностей и политические выступления (понятие счастья, влияния на локальные события и политику в стране).

«The Project on Human Development in Chicago Neighborhoods»⁷ (PHDCN) – междисциплинарное исследование того, как семьи, школы и соседнее окружение влияют на развитие детей и подростков. Р. Патнэм способствовал проведению в США «Social Capital Community Benchmark Survey»⁸ (SCCBS) в 2000 г., которое было продолжено как «Social Capital Community Survey». Эти исследования включают восемь аспектов измерения социального капитала: доверие, разнообразие друзей, участие в политической жизни, гражданское лидерство и включенность в ассоциации, неформальная социализация, благотворительность и волонтерство, включенность в религиозные организации, гражданская активность в сообществе.

Панельное исследование в США (с 1960х до настоящего времени) «Panel Study of Income Dynamics»⁹ (PSID) измеряет участие в благотворительности, а в некоторые годы также возможность получения помощи (временем или деньгами) в случае сложностей (к кому обратится...). В Великобритании the Office for National Statistics разработало «Harmonized Question Set»¹⁰, направленный на измерение пяти аспектов социального капитала: социальное участие, социальные сети и социальная

⁷ The Project on Human Development in Chicago Neighborhoods. URL: [https://www.icpsr.umich.edu/icpsrweb/PHDCN/about.jsp]. Проверено: 01.11.2018.

⁸ 2000 Social Capital Community Benchmark Survey. URL: [https://ropercenter.cornell.edu/2000-social-capital-community-benchmark-survey]. Проверено: 01.11.2018.

⁹ Panel Study of Income Dynamics. URL: [https://psidonline.isr.umich.edu]. Проверено: 01.11.2018.

¹⁰ Harper R., Maryanne Kelly M. Measuring Social Capital in the United Kingdom. URL: [https://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/user-guidance/social-capital-guide/the-social-capital-project/harmonised-question-set.pdf]. Проверено: 01.11.2018.

поддержка, реципрокность и доверие, гражданское участие и мнение о локальном сообществе.

В ряде исследований социального капитала используются вопросы о потенциальной помощи, которую индивид может получить в случае необходимости, обратившись к родственникам, друзьям и другим участникам социальной сети. В частности, такая методология исследования социального капитала используется в Европейском исследовании качества жизни «European Quality of life survey»¹¹ (EQLS).

Университет Чикаго с 1972 г. проводит «General Social Survey»¹² (GSS), в 1985 и 2004 – расширенные блоки по социальным сетям (метод генератора имен – позволяет измерить объем сети, родственные или дружеские отношения, частоту общения, с какого времени знакомы, возраст и образование...). Регулярные опросы содержат вопросы о частоте проведения времени с родственниками, с соседями, друзьями; религиозность, конфессия, частоте посещения церкви и молитв. Центр демографии университета Висконсин проводит «National Survey of Families and Households»¹³ (NSFH) в 1987-88, 1992-94, и 2001-2003 (частота общения с родственниками, и другое).

В Великобритании проводится панельное исследование «Understanding Society»¹⁴ (US), в котором есть вопросы о контактах с друзьями, объеме социальной сети, общении с друзьями и соседями и др. Блоки вопросов по социальным связям и социальному капиталу также содержат регулярные мониторинговые исследования «European Values Study»¹⁵ (EVS), «European Social Surveys»¹⁶ (ESS) и др.

Одно из важнейших исследований, связанное с солидаризацией, было проведено Р. Патнэмом в Америке в рамках разработки его концепции социального капитала¹⁷. Говоря о многомерности социального капитала, Патнэм утверждает, что и индикаторы для измерения социального капитала должны быть множественными: он выделяет три «пула» основных индикаторов, которые считает релевантными для измерения. Первый и наиболее распространенный – формальное членство в организациях и степень участия в разнообразных неформальных сетях. Основная сложность этого пула в том, что количество сетей может быть невообразимо огромным, а практической ценности банального подсчета количества взаимодействий может не обнаружиться.

Второй пул индикаторов связан с общественным доверием. Доверие принято измерять как отношение к политическим институтам и обществу в целом и конкретным людям. Однако и в вопросе измерения социального капитала через концепт доверия есть сложности. Дело в том, как утверждает Патнэм, есть тенденция

¹¹ European Quality of life survey. URL: [<https://www.eurofound.europa.eu/surveys/european-quality-of-life-surveys>]. Проверено: 01.11.2018.

¹² General Social Survey. URL: [<http://gss.norc.org>]. Проверено: 01.11.2018.

¹³ National Survey of Families and Households. URL: [<https://www.ssc.wisc.edu/nsfh>]. Проверено: 01.11.2018.

¹⁴ Understanding Society. URL: [<https://www.understandingsociety.ac.uk>]. Проверено: 01.11.2018.

¹⁵ European Values Study. URL: [<https://europeanvaluesstudy.eu>]. Проверено: 01.11.2018.

¹⁶ European Social Surveys. URL: [<https://www.europeansocialsurvey.org>]. Проверено: 01.11.2018.

¹⁷ Putnam R. D. The Prosperous Community: Social Capital and Public Life // The American Prospect. 1993. Vol. 13. pp. 35-42.

к приравниванию доверия к социальному капиталу, теоретическая нестабильность в оценках доверия как формы социального капитала или его производной. Методологически нестабильность данного пула индикаторов заключается в том, что отсутствие доверия объясняется низким уровнем социального капитала, а большой объем социального капитала – высокими показателями доверия в обществе. Этого тонкого момента сложно избежать, поэтому индикаторы доверия также не могут быть единственным измерителем социального капитала.

Патнэм предлагает и третий пул оценок – организованный альтруизм. Как утверждает автор, данный пул на самом деле показывает наиболее стабильные результаты в измерении социального капитала. Альтруизм не является частью определения социального капитала, которое предлагает Патнэм, однако эмпирически эксплицируется, по крайней мере, для США, что одним из сильных предикторов в определении уровня альтруизма является социальная сплоченность в обществе.

Методологически, социальный капитал, в понимании Патнэма, это уровень посещений организационных собраний, степень волонтерства, посещения друзей, уровень доверия и частота голосования на выборах и пр. в конкретном обществе. В своем исследовании Патнэм использовал статистическую информацию о членстве в различных социальных организациях (от кружков по интересам до политических организаций), а также информацию об уровне гражданской культуры и ответственности (голосование на выборах и участие в политических движениях, свобода слова). Как уже говорилось ранее, Патнэм сконструировал сложный показатель социального капитала, который включал в себя:

1. Вовлеченность в жизнь организаций;
2. Благотворительность и волонтерство;
3. Общественная деятельность и гражданская позиция;
4. Межличностное доверие;
5. Доверие к политическим и социальным институтам и пр.

Результаты получились довольно впечатляющими: уровень социального капитала напрямую был связан с благосостоянием отдельных штатов, что, как отметил Патнэм, характеризовало социальный капитал как ресурс, необходимый для экономического развития.

Americans are also less trusting. The proportion of Americans saying that most people can be trusted fell by more than a third between 1960, when 58 percent chose that alternative, and 1993, when only 37 percent did. The same trend is apparent in all educational groups; indeed, because social trust is also correlated with education and because educational levels have risen sharply, the overall decrease in social trust is even more apparent if we control for education.

Другой подход к измерению социальных связей индивида предлагается М. Грановеттером в работе «Сила слабых связей»¹⁸. В ней он анализировал способы получения информации о новой работе у мужчин, проживающих в Бостоне. Он заметил, что более половины опрошенных использовали личные контакты, вместо обращения в специальные агентства или просмотра объявлений. К тому же Грановеттер выделил несколько особенностей силы слабых связей. Чем более разно-

¹⁸ Granovetter M. The strength of weak ties // American Journal of Psychology. 1973. Vol. 78(6). pp. 1360-1380.

образными были места работы и социальные среды, которым принадлежали люди, тем шире и разнообразнее оказывался круг их личных контактов, тем проще они находили новую работу в случае необходимости, быстрее и легче продвигались вверх по карьерной лестнице.

Исследуя случайную выборку специалистов, вспомогательного персонала и управленцев, недавно сменивших работу и проживающих в одном из предместий Бостона, я спрашивал у тех, кто нашёл новую работу через личные контакты, о том, как часто они виделись с тем, кто передал им информацию о вакансии, в период, предшествовавший смене работы. Я буду использовать этот параметр в качестве показателя силы связи. Поначалу совершенно естественной кажется мысль, что у тех, с кем у нас сильные связи, больше желания помочь нам найти работу. Этому противоречат выдвигаемые мной структурные аргументы: те, с кем мы связаны слабо, с большей вероятностью входят в те круги, в которые не входим мы сами, и тем самым они имеют доступ к информации, которой мы не располагаем. Для измерения частоты контактов я использовал следующие категории: часто = по крайней мере два раза в неделю; иногда = чаще, чем раз в год, но реже, чем два раза в неделю; редко = один раз в год или реже. Из тех, кто нашёл работу при помощи личных контактов, 16,7 % сказали, что они виделись со своим контактными лицом часто; 55,6 % — иногда; 27,8 % — редко (N = 54)¹⁷. Очевидно, здесь наблюдается смещение в сторону части континуума, которая обозначает слабые связи. Это свидетельствует о том, что структура имеет большее значение, чем мотивация.

В свою очередь слишком длительное пребывание на одной работе или в одной и той же социальной среде может ограничить возможности будущих перемещений, за счет сужения и стабилизации круга личных контактов, снижения количества «выходов» за его пределы и сокращения объема «слабых» связей. Кроме этого, со временем было установлено, что работа, найденная через слабые связи, приносит более высокие доходы, чем работа, найденная через сильные связи.

Несколько иной подход к оценке членства в формальных и неформальных организациях можно обнаружить в работе Н. Лина «Социальная сеть и достижение статуса»¹⁹. Методика, которую предложил Лин, заключалась в «генерации позиций», предлагаемых респонденту при опросе. Смысл данной методики заключается в том, чтобы оценить, доступ к каким ресурсам, связанным с профессиональным статусом людей, с которыми респондент имеет связи, появляется у конкретного индивида. Включенность во множество сетей контактов с разными людьми, представляющими разные «позиции» предполагает обогащение ресурсами и, стало быть, увеличение объемов социального капитала.

Индекс доверия Мишлера-Роуза

Одна из особенностей гражданского общества переходного типа связана со спецификой соотношений межличностного и политического доверия. В индексе доверия Мишлера-Роуза они включены в единый блок институционального доверия, предусматривающий измерение следующих параметров:

¹⁹ Lin N. Social Networks and Status Attainment // Annual Review of Sociology. 1999. Vol. 25(1). pp. 467-487.

- Доверие к политическим институтам и силовым структурам (партии, парламент, профсоюзы, полиция, суды, премьер-министр и (или) президент, армия);
- Доверие к институтам гражданского общества (частное владение, церковь, пресса, телевидение и радио и другое);
- Доверие к другим людям.

На практике это было использовано при проведении анализа политического доверия в гражданских обществах десяти постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы (Болгария, Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, Румыния, Словения), а также России, Белоруссии и Украины.

Анализ осуществлен авторами с использованием данных не только общепринятого для целей подобного исследования Евробарометра, учитывающего, главным образом, отношения граждан к проводимой в рамках институциональной структуры власти политики, но и данные социологических исследований пятого барометра новых демократий, полученного обществом Пола Лазарсфелда, и седьмого барометра новой России, созданного Центром исследования общественной политики Стратклайдского университета, которые рассчитывают также и параметры межличностного доверия в этих странах с учетом языковых особенностей и связанных с ними различий значения переменных.

В отношении первого блока показателей институционального доверия подход, примененный Мишлером-Роузом, выявил институциональный скептицизм и открытое недоверие к основным элементам институциональной структуры, с одной стороны, и сравнительно более высокий (чем уровень политического доверия) уровень межличностного доверия в транзитных демократиях, с другой. Открытое недоверие достаточно выражено в отношении к пяти элементам институциональной структуры, а именно, к партиям, парламентам, профсоюзам, частным предприятиям, полиции (от 69 % до 50 % граждан).

Данные показатели подтверждают и институциональные допущения о низком уровне изначального доверия, ввиду неизбежного в обществе недовольства политикой правительства, предпринимающего попытки реформирования и решения сложных проблем демократического транзита. Показатели межличностного доверия в постсоциалистическом обществе несколько выше по сравнению с минимальными параметрами институционального доверия (к политическим партиям). Разница составляет 37 пунктов: позиция доверия к людям характерна для 49% опрошенных. Тем не менее, одна треть (26%) склонна не доверять другим людям, а другая треть (25%) в этом отношении выражает скептицизм. Это означает, что более половины опрошенных входят в вектор негативного доверия, и лишь чуть меньше половины в этом смысле ориентировано позитивно.

Второй блок в модели Мишлера-Роуза включает макроиндикаторы эффективности функционирования политических институтов как фактора формирования доверия. Данная составляющая разработана с учетом макроинституциональных подходов к интерпретации доверия и предусматривает выявление:

- Десятиуровневого индекса коррупции;
- Семизначного индекса уровня гражданской и политической свободы;

- Шестизначного индекса изменения этого уровня, которые в совокупности составляют индикаторы эффективности политических реформ, осуществляемых в рамках трансформируемой институциональной структуры.

В этот же блок входят макроэкономические индикаторы, а именно, индексы:

- Рыночных реформ;
- Изменения валового внутреннего продукта;
- Соответствия валового национального продукта покупательской способности;
- Логарифмической (кумулятивной) инфляции.

Макрокультурологические индикаторы доверия в модели Мишлера-Роуза не определены. Характер воздействия культурологических факторов доверия исследуется с помощью семизначной шкалы со статистически значимым уровнем в 3.5 и установлением вариантов отклонения, обусловленных особенностями культуры и исторического развития. Анализ выявил отсутствие существенного влияния макрокультурологических факторов на уровень доверия к политическим институтам, поскольку стандартное отклонение составило в среднем 0,2.

Третий блок индикаторов концептуальной модели Мишлера-Роуза («индекс 5-5-2») интегративен и соединяет отдельные макро- и основные микроуровневые культурологические, а также институциональные аспекты политического доверия. Культурологический сектор включает пять показателей влияния на доверие процесса социализации и социальной структуры:

1. Уровень образования;
2. Возраст;
3. Пол;
4. Место проживания;
5. Отношение (или посещение) к церкви.

Институциональный сектор содержит политический фрагмент с пятью показателями политической деятельности:

1. Макроиндикатор, представленный параметрами общей коррупции;
2. Микроиндикатор индивидуальных представлений об уровне коррупции;
3. Микроиндикатор степени политической свободы;
4. Микроиндикатор справедливости действий политических институтов;
5. Микроиндикатор обеспечения в рамках действующей институциональной структуры влияния каждого гражданина на ее функционирование.

Сектор экономических микрофакторов включает 5 индикаторов:

1. Социотропические и эгоцентрические оценки макроэкономики;
2. Оценки уровня ныне действующей микроэкономики;
3. Оценки перспектив развития макроэкономики;
4. Оценки перспектив развития микроэкономики;
5. Оценки угрозы инфляции.

Кроме того, в экономический сектор входят два микроуровневых индикатора экономических условий:

1. Индивидуальный доход;

2. Индивидуальный опыт восприятия безработицы.

Индекс 5-5-5-2, таким образом, интегративен и соединяет в единый комплекс макро- и микроуровневые аспекты концептуализации доверия, а также подходы и параметры, составляющие основу культурологических и институциональных теорий доверия.

Результаты, полученные с помощью индекса, выявляют детерминирующую роль, прежде всего, микроинституциональных факторов политического и межличностного доверия в странах демократического транзита. Для формирования политического доверия намного более значима оценка на индивидуальном уровне политической и экономической деятельности правительства, чем фактор социализации или же собственно реальная работа и функционирование институтов политической власти.

К факторам, не оказывающим реального влияния на степень политического доверия в указанных странах, относятся все параметры блока социализации. Так, образование, важный фактор доверия в развитых демократиях, в транзитных обществах не играет детерминирующую роль.

К факторам детерминации доверия отнесен блок, включающий индивидуальные оценки активности правительства. Из всех четырех значимых в этом отношении политических факторов, наиболее важным является восприятие справедливости нового режима. Меньшее, но значимое влияние оказывают микроуровневые оценки результатов деятельности политических институтов по обеспечению свободы и созданию условий для реализации возможностей личного влияния на принятие политических решений. Доверие к политическим институтам также зависит от микроуровневых оценок степени коррумпированности режима.

В интерпретации доверия модели Мишлера-Роуза стратегии его укрепления в обществе должны учитывать:

1. Значимость макроинституциональных эффектов, опосредованных на микроуровне ценностными структурами личности, являющимися продуктами национальной культуры и социализации как факторов доверия непрямого действия;
2. Фактор преобладания в обществах постсоциалистического транзита не столько доверия (малая часть общества), сколько недоверия и скептицизма по отношению к политическим институтам (большая его часть);
3. Различной природы межличностного и политического доверия.

Индикаторы в массовых опросах

В анкетах множественных исследований, посвященных доверию и солидарности, в том числе, как части социального капитала, было выявлено значительное количество типичных индикаторов, которые можно систематизировать по следующим группам:

1. Социальные сети и социальная поддержка:
 - структура семьи (наличие двух родителей, количество детей) (Fukuяama, 1995; Coleman, 1988);

- сети по месту жительства: количество людей, известных по именам, количество близких друзей, количество родственников (Besser, Recker, & Agnitsch, 2008);
 - число близких друзей и родственников, которые живут поблизости (HQS-ONS);
 - частота встреч/разговоров с соседями, родственниками или друзьями (HQS-ONS);
 - частота контактов с родственниками (внутри и вне своей семьи) и друзьями (HQS-ONS, EQLS, ESS);
 - уровень знакомства и частота контактов с соседями (HQS-ONS);
 - наличие среди друзей людей другой расы или национальности (ESS);
 - возможность дружбы с коллегами по работе (HQS-ONS);
 - качество отношений с начальством и подчиненными (HQS-ONS);
 - знание людей из разных уровней социальной иерархии («генератор ресурсов или позиций» (Behtoui, 2007);
 - возможность попросить кого-либо о помощи в трудной ситуации (EQLS);
 - потенциальный обмен помощью (HQS-ONS);
 - возможность брать и давать займы (HQS-ONS), частота одолжений соседям;
 - удовлетворенность жизнью, ощущение счастья или одиночества (HQS-ONS).
2. Социальные сети онлайн (Online social networks, OSNs):
- Участие в социальных сетях онлайн; количество друзей; затраты времени (Williams 2007; Steinfield, Ellison, & Lampe, 2008);
 - широта виртуальных сетей и частота контакта (HQS-ONS).
3. Гражданская и политическая вовлеченность:
- присутствие на событиях местных сообществ (HQS-ONS);
 - уровень вовлеченности в проблемы на местном, региональном или государственном уровне (HQS-ONS, EQLS);
 - уровень приближенности к власти – возможность или отсутствие возможности личной коммуникации (HQS-ONS, EQLS);
 - уровень свободы выражения слова: на публичном собрании имеется ли возможность высказывать непопулярную точку зрения (HQS-ONS);
 - участие в выборах (Putnam, Leonardi, and Nanetti, 1993; Putnam, 1995; Rosenfeld, Messner, and Baumer, 2001);
 - участие в политических партиях (EQLS);
 - вовлеченность в гражданское общество, т.е. участие в различных НКО (Chung, Choi, & Lee, 2014);
 - количество членств в группах (социальные, хобби пр.), частота и интенсивность участия (HQS-ONS, EQLS, ESS).
4. Участие в социальной жизни и жизни сообщества:
- активность участия в общественных проектах, посещение групп и социальных сетей (Chung, Choi, & Lee, 2014);

- поддержка новых членов местного сообщества (HQS-ONS);
 - уровень осведомленности относительно местных людей, событий, политики (HQS-ONS);
 - участие в деятельности локальных сообществ в связи с кризисом или экстренной ситуацией (HQS-ONS);
 - частота чтения местных газет (HQS-ONS);
 - представления о физической среде в месте жительства (HQS-ONS);
 - удовольствие проживания в месте жительства (HQS-ONS).
5. Доверие к людям и социальным институтам:
- согласие с тем, что большинству людей можно доверять (EVS, ESS, EQLS);
 - доверие к аналогично мыслящим людям и людям, которые не похожи на Вас (HQS-ONS);
 - доверие соседям, коллегам по работе, руководству предприятия (HQS-ONS);
 - доверие институтам (HQS-ONS, EQLS);
 - доверие политическим партиям и политическим деятелям (HQS-ONS)
 - доверие религиозным организациям, торговым союзам, крупным корпорациям, СМИ (HQS-ONS);
 - степень уверенности в собственной безопасности при прогулках в одиночку по улицам после наступления темноты (HQS-ONS);
 - оценка возможности стать потенциальной жертвой преступления (HQS-ONS);
 - наличие или отсутствие совершенных преступлений или правонарушений (HQS-ONS);
 - восприятие общих ценностей (HQS-ONS).
6. Альтруизм, филантропия и волонтерство:
- способность уделять собственное время безвозмездно для помощи другим людям (HQS-ONS);
 - уровень участия в волонтерской и благотворительной деятельности (затраты денег и времени), в религиозных мероприятиях (HQS-ONS, EQLS, ESS).
7. Толерантность к разнообразию:
- отношение к мультикультурализму (HQS-ONS);
 - уровень разногласий или напряжения между этническими группами (в месте жительства) (HQS-ONS);
 - степень толерантности к неравенству (HQS-ONS);
 - уровень кооперации между группами (HQS-ONS).

Однако помимо множества вопросов в анкетах (отдельных переменных), многие исследователи пытались разработать и «обобщающие», «интегральные» индексы социального капитала, солидарности или отдельных их видов. В то же время необходимо помнить, во-первых, что чаще всего речь идет не о социальном капитале как таковом, а скорее о косвенных измерителях, так как капиталом является, например, не сама сеть, а инкорпорированные в ней отношения и связи. Во-

вторых, в большинстве случаев можно говорить скорее об измерении доступного, а не мобилизованного социального капитала.

Так, Дж. Коулман предлагал измерять внутренний социальный капитал семьи теснотой общения между детьми и родителями; один из возможных индексов – суммирование наличия в семье обоих родителей и других детей²⁰. На макроуровне Р. Патнэм для сравнения социального капитала разных штатов использовал индикатор, рассчитанный как сумма количества групп (обществ, НКО, клубов по интересам и пр.), умноженных на количество членов в этих группах, скорректированный на уровень доверия в них²¹. Ф. Фукуяма предложил дополнительные коэффициенты к этой формуле, основанные на идее кругов доверия и недоверия каждой такой организации²². Хотя эти формулы применялись на макроуровне, идея Пантема применялась и для индивидов, путем подсчета количества организаций, клубов и пр., в которых состоит индивид (например, Е. Глэзером, Д. Лейбсоном и Б. Сасердот²³).

В работе М. Гааг и М. Веббер приводится систематизация подходов к измерению социального капитала. Во-первых, в различных исследованиях делались попытки измерить:

1. Структуру социальной сети;
2. Различные виды социальных ресурсов (например, дружеские, семейные и иные связи);
3. Объем социального капитала, например, как количество знакомых;
4. Разнообразие – т.е. различие членов сети по статусу, образованию и пр.;
5. Мобилизационные социальные ресурсы.

Далее авторы описывают три распространенных метода измерения социального капитала: генератор имен, генератор позиций и генератор ресурсов. У каждого из них есть свои достоинства и недостатки.

В методе «генератор имен» респондента просят назвать имена всех его знакомых; на втором этапе им приписываются некие атрибуты, связанные с укорененными ресурсами. Метод «генератор позиций» предлагает респонденту список из примерно 10-30 статусных (профессиональных) позиций, с вопросом, есть ли у него знакомые в каждой из них (метод был разработан в 1982 г.). На основе этих данных для каждого индивида строятся показатели емкости потенциального социального капитала: наивысшая достижимая позиция (*highest accessed prestige*); ранг доступного престижа, как разница между минимальной и максимальной позицией (*range in accessed prestige*); и количество доступных позиций в иерархии, т.е. общее их число (*number of different positions accessed*).

²⁰ Coleman J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. pp. 95-120.

²¹ Putnam R. D. The Prosperous Community: Social Capital and Public Life // The American Prospect. 1993. Vol. 13. pp. 35-42.

²² Fukuyama F. Social capital and civil society // IMF Conference on Second Generation Reforms. URL: [<https://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm>]. Проверено: 01.11.2018.

²³ Glaeser E. L., Laibson D., Sacerdote B. An economic approach to social capital // The Economic Journal. 2000. Vol. 112(483). pp. 437-458.

«Генератор ресурсов» также представляет собой список, но не профессиональных позиций, а конкретных социальных ресурсов, или видов помощи, в которых может нуждаться индивид. Например, такой инструмент был использован в обследованиях в Великобритании, когда респонденту предлагается ответить на вопрос «Знаете ли вы человека, который мог бы вам помочь в течение недели в следующих случаях (перечень, типа помощи по дому, займа денег, и пр.)?».

В действительности «генератор ресурсов» является измерителем не мобилизованного, а потенциального социального капитала. Так как полученные переменные в этом случае являются дихотомическими, для построения единого обобщающего индекса нельзя применить метод главных компонент или стандартный факторный анализ, применяются такие методы, как Item Response Theory, Cumulative scale analysis, непараметрическое шкалирование и пр.

В большинстве эмпирических исследований, в которых измеряется социальный капитал на индивидуальном уровне, применяются один из этих методов или их комбинация; далее рассчитываются частные индексы, или единый индекс, в случае количественных переменных – методом главных компонент или факторного анализа.

ГЛАВА 2. ВОСТОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ

2.1. Обзор теоретических трудов

Солидарность и доверие в конфуцианстве

Для всех сообществ обязательными элементами солидарности являются общие ценности, интегративный ритуал, консенсус, доминирующая идеология или религия и пр. До сих пор ни в одной из азиатских религий и философий, в том числе в конфуцианстве, не разграничиваются религиозные и светские ценности. Религиозные традиции Востока содержат не только руководство по отправлению культа, но и правила поведения в повседневной жизни.

Социальная единица в Китае, как и во многих других азиатских странах, – это не индивид, а коллектив, семья, род. На протяжении становления восточной цивилизации экономической базой внутривидового единения служила общая собственность, в первую очередь, земельные наделы. Доходы с этих наделов использовались, помимо прочего, для организации ритуалов, связанных с поклонением умершим и культом предков. Демонстрировавшая во время ритуалов семейно-родовая солидарность призвана была иллюстрировать незыблемость традиций, а сама преемственность моральных ценностей позволяла сохранить архаическую родоплеменную солидарность как в единой семье.

Сложившиеся на этой основе восточные экономики и общества отличаются от западных наличием острого чувства солидарности и мы-идентичности. Солидарность в восточной традиции уже более двух с половиной тысяч лет зиждется на конфуцианских ценностях, обеспечивающих гармонию и согласие в семье и роде.

Конфуцием был создан абстрактно-утопический идеальный образ «благородного мужа», обладающего разными добродетелями – человеколюбием, гуманностью («жэнь»), долгом, справедливостью («и»), нормами поведения, этикетом («ли»), знанием («чжи»), верностью («синь») и сыновней почтительностью («сяо»).

Конфуцианское «жэнь» отличается от понимания «гуманности» в европейской христианской культуре. В основе европейского гуманизма лежит идея самоценности человека, уважения его достоинства свобод. Конфуцианская «гуманность», «человеколюбие» связан с семейным долгом, восприятием человека как носителя родовых связей, уважением к старшему, преклонением перед его авторитетом. Этому тезису соответствует следующий принцип: «Установлением корня рождается и путь. Сыновья почтительность («сяо») и уважение к старшим («ди») – это и есть корень человеколюбия «жэнь».

Солидаризация внутри господствующего класса, в первую очередь, закладывалась через принцип человеколюбия («жэнь») – знатные люди в отношениях между собой должны были проявлять любовь и солидарность. При этом Конфуций распространяет чувство семейно-клановой солидарности на всех людей, поскольку они являются членами общества, ввиду чего «жэнь» теперь становится всеобщим этическим императивом.

В рамках конфуцианства предполагается, что природа человека не позволяет ему распространить привитые в семье чувства любви к ближнему на всех людей. Че-

ловек как существо социальное стремится развивать отношения с конкретными близкими людьми, и эти отношения структурируются с помощью специальных правил «ли». Понятие «ли» стало символом ритуализированной этики, превратилось в наиболее общую характеристику правильного, даже идеализированного социального устройства и поведения человека. Правила приличия составляют часть ритуала, которому китаец привык следовать и который занимает в его жизни большое место. В современной поднебесной жизни концепции «ли» не утратили своего значения, что нашло свое отражение в особенностях поведения в общественных местах, в отношениях с родственниками, друзьями, незнакомыми людьми.

Моральными Конфуций считал лишь справедливые отношения между людьми. Важно, что понятие «справедливости» лишено эгалитарного характера, принятого в западных странах, скорее воспринимается как «уместность», «допустимость» ввиду отсутствия социального равенства. Для утверждения справедливости правитель должен действовать как правитель, а подданный – как подданный, отец – как отец, сын – как сын. Все отношения между людьми в обществе должны выстраиваться в духе солидарности, подобной отношений в семье, и их необходимо регулировать преимущественно нормами морали, а не права. Закон необходим для обеспечения социальной сплоченности, но необходимо введение «ритуалов взаимодействия» для возникновения «взаимосвязанной солидарности» через обучение на примерах, достойных подражания.

При этом, мораль по Конфуцию формируется не из личной совести, а из чувства стыда и корпоративного долга. То есть речь идет о патриархальной семейно-клановой морали, которая заставляет человека воспринимать себя лишь как часть целого (семьи, рода). Такая мораль не только не основана на индивидуальной свободе и личном выборе человека – она даже не предполагает их существование в качестве нравственных ценностей.

Впоследствии конфуцианство сыграло большую роль в укоренении коммунистической идеологии. Солидаризация и большее межличностное доверие формировались на основе социалистической политики, которая основывалась на гарантии занятости, равных доходах, низкой мобильности и доминировании коллективных интересов над индивидуальными.

В современных азиатских государствах традиции и культура максимально сохраняют конфуцианское наследие, несмотря на глобализационные тенденции. Можно даже сказать, что глобализация только укрепила их.

Солидарность и доверие в исламе

Наиболее распространенное понимание философии – западнцентричное, и в отношении стран Ближнего и Дальнего Востока следует учитывать некую специфику использования этого термина. К ключевым источникам классической арабомусульманской философии относятся, во-первых, парадигма и мировоззренческие тезисы о едином первоначале множественного мира, которые получили закрепление в Коране, о человеке как носителе разума и этического начала, и, во-вторых, и, памятников философской мысли. При этом влияние античных источ-

ников философии подчас ограничивалось уровнем терминологии и фразеологии и не захватывало глубинных мыслительных ходов.

Единая исламская философская традиция как таковая не существует, она условно формируется из сложившихся систем мышления и аргументации, основанных на религиозной матрице. Важным объединяющим фактором являются так называемые шесть столпов веры: в единого Бога, в ангелов, в пророков, в священные книги, в судный день, в судьбу.

Однако не только откровения, изложенные в Коране или Сунне, но и религиозные практики. Речь идет о пяти столпах ислама («аркан ад-дин») – предписаниях шариата, обязательных к следованию верующими мусульманами. К ним относятся: исповедание единобожия и признание пророческой миссии Мухаммада («шахада»), пять ежедневных молитв («намаз»), пост во время месяца Рамадан («ураза»), религиозный налог в пользу нуждающихся («закят») и паломничество в Мекку («хадж»). Несмотря на то, что в фокусе настоящего анализа – ценностная солидаризация, для понимания ее в контексте ислама важно упомянуть и эти ритуалы, поскольку, ввиду своего императивного характера, они служат декларацией солидарности с миллионами других последователей ислама.

С солидаризацией в мусульманском обществе сильно взаимоувязана такая характеристика ислама как тотальность – влияние на все сферы жизнедеятельности человека. При этом в основе солидаризации лежат ценности, которые, согласно шариату, мусульманин должен стремиться сохранить: религия, жизнь, семья, разум и имущество (ряд ученых включает также справедливость и свободу). Шесть столпов веры, пять столпов ислама и базовые ценности, как видится, и обуславливают духовное единство мусульман, которое не было подорвано отсутствием общепринятой интерпретации ислама и религиозно-политическим расколом. Необходимо, тем не менее, отметить, что существует ценностная солидаризация и на уровне групп последователей течений ислама (суннизм, шиизм и пр.).

Отдельного внимания требует рассмотрение вопросов солидарности через призму исламской философской полемики, которая являлась неотъемлемой частью религиозной жизни мусульман и существует в пяти наиболее известных формах: фальсафа (арабоязычный перипатетизм), калам (исламская религиозно-философская традиция), суфизм (аскетическое течение в исламе), шиизм (мистический шиитский гнозис) и ишракизм («философия озарения») (последние две формы не всеми востоковедами выделяются в независимые течения из-за высокой степени мистицизма и эзотерики).

В фальсафе, наиболее рационалистической из всех указанных форм, преимущественно, проходили заимствования из античной философии. Оформление проблемного поля арабо-мусульманской философии были закреплены позже, в каламе, где был высказан тезис об универсальном делении на первоначало (Бог) и все прочее, не подвергавшийся сомнению на протяжении развития классической арабо-мусульманской философии.

В точки зрения солидаризации больший интерес представляет суфизм, который признается не только как философское учение, но и как отдельное течение ислама. Само слово «суфизм» (тасаввуф) в Коране и сунне не упоминается, основы суфизма отражение в хадисах. Аскетизм и духовное совершенствование, на которых

зиждется учение, возникли из образа жизни пророка Мухаммеда, который, по мнению суфиев, является посланником Аллаха и указал пути духовного воспитания личности и общества на собственном примере.

С XII века влияние суфизма на религиозную жизнь мусульманского общества постепенно возрастало. В целом же единение на основе общих ценностей и образа жизни оформлялось в суфизме в создании братств (тарикатов), которые с течением времени все сильнее дробились из-за усложнения структуры и правил функционирования этих общин. Важно отметить, что суфизм отличается открытостью к заимствованиям, поэтому в каждом регионе на его философию повлияли локальные этноконфессиональные традиции. Например, в Индии происходили серьезные заимствования из буддизма и индуизма.

Солидарность и доверие в буддизме

Ценностная солидаризация в буддизме просматривается через общее целеполагание последователей этого религиозно-философского учения. Одна из основных целей буддизма – путь к нирване, то есть состоянию осознания души, достигаемому через самоотречение, поиск «золотой» середины между обеспеченным и аскетичным образами жизни.

Буддистов объединяет на пути к нирване «общее стремление», состоящее из следующих элементов: правильное понимание (осознание того, что мир полон страданий и скорби); правильные намерения (ограничение своих страстей и стремлений, первоосновой которых является человеческий эгоизм); правильная речь (транслирование добра); правильные поступки (совершение добрых дел, воздержание от недобродетельных поступков); правильный образ жизни (достойный образ жизни, не вредящий всему живому); правильные усилия (направление хода мыслей в позитивное русло); правильные помыслы (избавление от желаний плоти); правильная сосредоточенность (постоянная тренировка, сосредоточение).

Формой выражения солидаризации в буддизме является «сангха» – духовная община («сангха»), считающейся третьей «драгоценностью» буддизма. Объединению в сангху способствует то, что люди разделяют единый духовный идеал – это Будда, а также единую духовную основу и образ жизни – Дхарму. Согласно буддийской традиции, существует три уровня сангхи: арья-сангха, бхикшу-сангха и маха-сангха.

Арья-сангха состоит из святых личностей (арья-пудгала) из разных частей света и эпох, которые могут не находиться в физическом контакте, но объединены общими духовными переживаниями, что снимает с них пространственно-временную разобщенность. Бхикшу-сангха – монашеская община, сформировавшаяся из тех, кто «отринул жизнь домохозяина» и соблюдает устав из ста пятидесяти правил («пратимокша») в основанном буддой ордене. Маха-сангха – «великое собрание», называемое так, потому что включает всех, кто принимает его духовные истины и принципы буддизма, вне зависимости от образа жизни и степени соблюдения его этических наставлений. То есть сангха различается по уровню личной преданности и достижений в следовании учению, ввиду чего маха-сангха представляет собой социальный, массовый уровень солидаризации, бхикшу-сангха – религиозный уровень, арья-сангха – духовный.

Буддизм состоит из огромного числа школ, все из которых являются ветвями одной сангхи. Они не только делят общее наследие, но и обладают собственными доктринами и практиками, линиями учителей и текстами. В буддизме в разные времена процветали плюралистический реализм, абсолютизм и идеализм, и каждый считался верной интерпретацией буддийской мысли. Так, в разное время средством освобождения считались мудрость, медитация или вера и преданность. Тем не менее, в буддизме существует принцип единства, в соответствии с которым, как уже было отмечено, все школы представляют собой «части одного огромного целого» – сангхи, поскольку стремятся к Просветлению, воспроизводя духовный опыт самого Будды. Особые отличия между школами возникают, поскольку школы подходят к запредельному фактору, Просветлению или Нирване, с различных сторон или с одной стороны, но одна школа заходит дальше другой. Другими словами, различные школы скорее представляют либо различные аспекты буддизма, либо различные этапы духовной эволюции внутри него.

Согласно учению, последователи буддизма развивают в себе пять духовных способностей («панчендрии»): веру («шраддха»), энергию («вирья»), осознанность («смрити»), мудрость («праджня») и сосредоточение («самадхи»). Развивать они пытаются их в равной степени, уравнивая осознанностью веру и мудрость, энергию и сосредоточение таким образом, чтобы достичь психологической и духовной гармонии («индрия-саматты»). Однако различные школы фокусировались на какой-то одной способности и подходили к Просветлению с этой «стороны». Например, абхидхармики и мадхьямики развивали мудрость, йогачарины – сосредоточение, популярные движения, связанные с поклонением, – веру, а эзотерические тантрические традиции – энергию. Способности также можно развивать одну за другой, рассматривая их как последовательные стадии духовного развития. Поскольку все они следуют одной и той же цели, между различными школами буддизма существуют отношения взаимного уважения и терпимости.

2.2. Обзор эмпирических исследований и прикладных аспектов солидаризации

В 2001-2002 году был проведен опрос, касающийся ключевых социальных ценностей в Китае, в ходе которого респонденты дали ответ, что гордятся следующими традиционными для китайского общества ценностями: усердие и бережливость (95%), толерантность, уместность поведения и почтительное отношение к старшим (86,1%), лояльность государству (83,8%)²⁴. Очевидно, что все они находятся в тесной связке с конфуцианской этикой.

Из конфуцианской этики, в основе которой лежит семейно-клановая мораль и семейно-родовая солидарность, произошло такое практическое явление как «гуаньси», то есть «доверие» и «связи» как механизм социальной коммуникации. На нем построена современная китайская экономика и общество: «гуаньси» как сеть личных связей, зачастую заменяет контракты и используется китайцами даже за границей.

²⁴ Yoshino R. A Social Value Survey of China: On the Change and Stability in the Chinese Globalization // Behaviormetrika. 2006. Vol. 33(2). pp. 111-130.

Некий эквивалент «гуаньси» (кит. трад. 關係, упр. 关系, пиньинь: guānxi) в русском языке – «связи», «кумовство», однако в оригинале это понятие имеет отрицательную коннотацию и обозначает «помощь», «поддержка», «услуга». Она стала остро востребованной после начала проведения в 1978 году в Китае политики открытости и реформ.

Китайские исследователи выделяют три уровня «гуаньси»: родственные (亲人关系), близко знакомые (熟人关系) и незнакомые (生人关系). Каждый из них отличается от другого степенью доверия и симметричностью обязательств. Например, на уровне родственных отношений обязательства, как правило, безусловные, как, впрочем, и доверие. На втором уровне помощь может быть оказана без условий, но подразумевается, что при необходимости помощь будет оказана и в ответ. На третьем уровне эмоционально связи наиболее слабые и чаще бывают асимметричными, без взаимных интересов и обязательств. Кроме того, ученые Кионг и Ки определили шесть оснований для создания сетей «гуаньси»: локализацию, фиктивное родство (ношение одной и той же фамилии), родство, рабочее место, социальные клубы и дружбу.

Эмпирические исследования китайских предпринимателей и менеджеров подтверждают, что «гуаньси» играют большую роль в современном бизнесе. В часто забюрократизированных китайских компаниях именно межличностные отношения между сотрудниками разного уровня позволяют ускорять процессы принятия решений. Но, с другой стороны, они ведут к фаворитизму, что сказывается и на продуктивности, и на профессиональном уровне.

В июне 2018 года учеными Дж. Ченом и П. О'Лири²⁵ был проведен массовый опрос по теме корпоративного и личного «гуаньси». Исследование «гуаньси» происходило через идеи социального обмена, взаимодействия между лидерами и подчиненными, китайскими принципами взаимности и «лица». В массовом опросе это отразилось через измерение актов социального обмена до присоединения к компании, актов социального обмена со коллегами и руководством на работе, уважение к руководителям, включая социальные обмены вне работы и не связанные с работой услуги.

This paper finds that guanxi has significant impacts on job satisfaction and organisational commitment. More importantly, the structural influences from different dimensions of guanxi are observed. While this research provides strong empirical evidence that guanxi continues to play a significant role in Chinese workplace practices and outcomes, our study finds that its impact and practice are informed by industry and organisational type. The findings of a situational source of organisational guanxi and job satisfaction suggest companies can indeed impact employee attitudes and emotional commitment. On the other hand, the dispositional source of personal guanxi and normative commitment imply that employees' sense of obligation to the organisation cannot be easily shaped by organisational inputs.

This study incorporated complex Chinese norms of trust with Western social and leader-member exchange theories, suggesting a hybridisation effect. It supports so-

²⁵ Chen J, O'Leary P.F. Impact of guanxi on managerial satisfaction and commitment in China // Asian Academy of Management Journal. 2018. Vol. 23(1). pp. 171-198.

cial identity theory in predicting the relationships between guanxi and affective commitment as organisational guanxi facilitates the building of group identity and a sense of group inclusion. Practical implications show high correlations workplace guanxi, job satisfaction, and affective commitment demonstrating the critical nature of the supervisor-subordinate relationship in Chinese organisations.

В целом же корпоративная культура аналогичная культуре поведения в семье, и это присуще не только Китаю, но и другим азиатским странам. Так, например, в Японии профсоюзы проводят забастовки в обеденный перерыв. Так как фирма приравнивается к семье, цели сотрудника и работодателя пересекаются. Поэтому забастовка в рабочее время была бы непродуктивной – это все равно, что бастовать против самих себя.

Вопросы межличностного доверия также находили отражение в социологических опросах. На основании ответов респондентов на единственный вопрос анкеты «Можно ли доверять большинству людей?», были выделены три уровня доверия – «местническое доверие» (семья, родственники) «общинное доверие» (соседи, сельчане, одноклассники, коллеги, земляки) и «гражданское доверие» (горожане, бизнесмены, приезжие, иностранцы, незнакомцы)²⁶.

В течение 2009-2016 годов Институт социологии Российской академии наук (ИС РАН) и Институт социологии Китайской академии общественных наук (КАОН)²⁷ осуществляли активное научное сотрудничество в формате сравнительных национальных социологических исследований социальных изменений, происходящих в наших обществах в процессе их реформирования.

Было выявлено, что для россиян относительно важнее в образе идеального общества возможности индивидуальной самореализации, а также такие его характеристики, как справедливость общественного устройства (даже в тех областях жизни, которые никак не связаны с их личными интересами), отсутствие военных действий и т. д. В Китае же относительно значимее роль межличностных отношений и устойчивость своего положения, особенно в сфере занятости.

Кроме того, опрос показал, что современная китайская молодежь сформировала различные модели потребления, отличные от моделей их родителей, они ориентированы на потребление новых и высокотехнологичных продуктов и услуг, отдавая предпочтение чувственным удовольствиям, эстетическому наслаждению и жизненному комфорту. В силу того, что принцип социальной справедливости занимает очень важное место в модели национальной культуры России, мечта о справедливом обществе выполняет для населения роль консолидирующей идеи.

Идентификация себя в качестве гражданина России является самой сильной как для россиян в целом (72% ощущают значительную близость, 23% - близость в небольшой степени), так и для молодёжи. Причем для последней

²⁶ Tang W. Interpersonal Trust and Democracy in China. URL: [http://www.asianbarometer.org/publications/3c07a171c9b89b9aad5c0c2e371b346f.pdf]. Проверено: 01.11.2018.

²⁷ Россия и Китай: опыт сопоставительного изучения социальных изменений в период реформ. Информационно-аналитическое резюме по итогам сопоставительных общенациональных исследований в России и Китае. М.: Новый хронограф, 2012-2016. URL: [http://www.isras.ru/rezyume_Russsia_and_China_opyt_sopostav_izucheniya_2016]. Проверено: 01.11.2018.

группы она возрастает с ростом уровня образования и я. Подчеркнем, эта идентичность сформировалась достаточно быстро, и за последние годы доля ощущающих сильную близость с гражданами России как среди населения в целом, так и среди молодёжи значительно выросла.

Общая картина ценностных ориентаций россиян в настоящий момент показывает: расхождение системы ценностей молодежи и самого старшего поколения россиян не критично, и, хотя различия между молодёжью и самой пожилой частью российского населения сохраняются, они не нарастают. При этом россияне средних возрастов обеспечивают промежуточную группу, занимающую умеренные позиции по данным вопросам. Приверженность тем или иным ценностям связана в России не только с возрастом, но и с уровнем образования, типом поселения, средой первичной социализации (эти факторы дифференцируют и саму молодёжь); кроме того, по мере взросления ценностные приоритеты молодёжи корректируются.

Современная китайская молодёжь выросла в условиях социальной трансформации и огромных изменений в макроисторическом процессе. Эта социальная трансформация сформировала поколение и придала ему некоторые общие черты. Социальная трансформация в Китае в определенной степени создала для особо важного периода развития молодёжи уникальный фон, а также увеличила те эффекты, благодаря которым это поколение так отличается от предыдущих. Внутренние противоречия современной китайской молодёжи являются следствием резких социальных перемен и трансформации социальных и экономических условий. Традиционная культура Китая испытывает влияние западных ценностей. Эти внутренние противоречия выражены в конфликте между старым и новым, между традиционным и современным в идеях и поведении.

При этом важно говорить не только о разных системах ценностей молодого и других поколений россиян, но и о разных системах ценностей, сосуществующих среди самой молодежи. Общая картина ценностных ориентаций россиян в настоящий момент показывает: расхождение системы ценностей молодежи и самого старшего поколения россиян не критично, и, хотя различия между молодёжью и самой пожилой частью российского населения сохраняются, они не нарастают. Практически по всем позициям наибольшую поддержку ценностям модерна и принципам общественного устройства, основанного на конкуренции и равенстве возможностей, оказывают самые молодые россияне – те, кто не старше 21 года. Кроме того, поддержка этих ценностей возрастает с ростом уровня образования, выше в крупных городах и демонстрирует зависимость от среды социализации: проходившие социализацию в крупных населенных пунктах чаще разделяли подобные ценности и представления.

Еще одним направлением исследований стало изучение включенности в формальные и неформальные организации и сети. Наиболее часто подобные исследования проводились в развивающихся странах или этнических общностях. Например, исследования деревенских общин в Индонезии, домохозяйств Боливии

и Буркина Фасо, проведенное С. Грутаертом²⁸, или изучение домашних хозяйств Южной Африки Дж. Малуссио, Л. Хаддада и Дж. Мэй²⁹. Оба исследования в фокусе внимания имели количественный подсчет включенности индивидов в социальные сети, время, проводимое в процессе решения вопросов, связанных с нуждами общины/домохозяйств в целом, то есть, демонстрация экспрессивного действия по Лину. Важными выводами исследований следует признать то, что отношения внутри сетей являются гетерогенными, а уровень социального капитала разнится от степени активного участия в деятельности этих организаций.

The formation of networks and associations can be costly in terms of time and other resources. Conceivably, therefore, households with higher income can devote more resources to network formation and thus acquire more social capital more easily. This is not unlike the situation of human capital, the demand for which also increases with income. The possibility exists then, that social capital, like human capital, can be at least partly a consumption good. The extent to which this is the case depends in part on the type of network or association. For example, demand for participation in social groups pursuing leisure activities is quite likely to rise with income because leisure is usually a luxury good. If social capital is in part a consumption good, reverse causality, from welfare level to social capital, is possible.

Другое исследование в области включенности в организации и сети, а именно участия в разного рода фестивалях, спортивных событиях и прочих мероприятиях по поддержанию групповой солидарности и сплоченности, является исследование домохозяйств в Танзании, проведенное Д. Нараян и Л. Притчетом³⁰. Сконструированный ими индекс для измерения социального капитала включал в себя тесноту связей в формальных и неформальных организациях. Оценивался уровень привносимых ресурсов в социальную сеть, групповое взаимодействие и порядок принятия решений в сети, кроме того, в исследовании уделялось внимание и межличностному доверию.

Using a specially designed large-scale survey (SCPS) to measure the degree and characteristics of associational activity as a proxy for social capital and trust among households in rural Tanzania, we find that a one-standard-deviation increase in the village social capital index (as would be caused by half the population of a village joining one additional group with average characteristics) is associated with at least 20% higher expenditures per person in each household in the village. The link between the social-capital index from the SCPS and expenditures measured in an earlier survey of different households in the same villages (HRDS) shows convincingly that this effect is social and operates at the village level. The social capital of a household's village is as important in determining the household's income as are many of the household's own characteristics, such as schooling, assets, distance to

²⁸ Grootaert C., Narayan D., Jones V.N., Woolcock M. Measuring social capital: an integrated questionnaire. Washington, D.C: World Bank Publications, 2004. 62 p.

²⁹ Maluccio J., Haddad L., May J. Social capital and household welfare in South Africa, 1993-98 // Journal of Development Studies. 2000. Vol. 36(6). pp. 54-80.

³⁰ Narayan D., Pritchett L. Cents and Sociability: Household Income and Social Capital in Rural Tanzania // Economic Development and Cultural Change. 1999. Vol. 47(4). pp. 871-897.

markets, or gender of household head. Social capital is an important, and so far largely missing, dimension of income and poverty analysis.

Социальное неравенство, социальный капитал и этническую идентичность в развивающихся странах также изучали и В. Чуа и И. Нг в своей работе «Unequal returns to social capital: the study of Malays in Singapore through a network lens. Asian Ethnicity»³¹. Авторы предлагают измерять дефицит социального капитала в группах мигрантов по следующим параметрам:

1. Связи с выпускниками университета;
2. Связи с состоятельными людьми;
3. Связи с коренными жителями Китая;
4. Связи с мужским населением (критично для азиатских стран);
5. Широта контактов и объем социальной сети контактов.

В результате исследования авторы получили вполне впечатляющие выводы: объемы располагаемого социального капитала, доверия и этнической идентичности влияют на уровень благосостояния мигрантов, при чем, для разных этнических групп это влияние разнится.

Using the concepts of social capital deficit and return deficit, this study considers the social network aspects of social disadvantage among Malays in Singapore, as compared to Singaporean Chinese. Analysing a 2005 representative survey, we find Malays have less social capital than Chinese, a social capital deficit partly explained by their lower educational attainment. We find no return deficit in earnings: that is, every additional unit of social capital increases earnings equally for Chinese and Malays. However, we find return deficits in education: every additional unit of social capital (e.g. ties to educated parents) increases educational attainment more for Chinese than Malays. In all, this study offers a social capital explanation for Malay «plight», complementing the more conventional explanations of human and economic capital.

С. Чанг, Х. Чхве и С. Ли в своей работе³² используют факторный анализ с вращением (метод - fuzzy-set membership scores) для выявления нескольких видов социального капитала у жителей Кореи, уточняя, что конфуцианство и семейно-ориентированные ценности имеют большое значение для азиатских стран при формировании культурного бэкграунда.

Ими были получены два фактора социального участия на микроуровне на основании переменных: проведение времени с членами семьи (праздники; семейные события; шопинг; религиозные мероприятия; повседневное общение); с друзьями или соседями (праздники, семейные события, рутинные встречи, разговоры по телефону, встречи). Выявлены три фактора социального участия на макроуровне для переменных: хобби, участие в организациях или деятельности, связанных с искусством, образованием или культурой; участие в организациях религиозных, трудовых, профессиональных, политических и т.д., группах по интересам, благо-

³¹ Chua V., Ng I. Unequal returns to social capital: the study of Malays in Singapore through a network lens // Asian Ethnicity. 2015. Vol. 16. pp.1-18.

³² Chung S., Choi H., Lee S.S. Measuring Social Capital in the Republic of Korea with Mixed Methods: Application of Factor Analysis and Fuzzy-Set Ideal Type Approach // Social Indicators Research. 2014. Vol. 117(1). pp. 45-64.

творительных, организациях выпускников, клубах и т.д. Был также построен индикатор доверия (выявлен один фактор) как доверие друзьям, родственникам и т.д., и индикатор доверия к социальным институтам – доверие экономическим институтам, образованию, правовой системе и т.д. По одному фактору было выявлено в моделях следования нормам (согласие с высказываниями) и включенности в сети родственников, друзей, коллег по работе и т.д.

The results suggest that people with low education and low income have difficulties participating in the society through interactions, even when their trust toward the society and their consciousness regarding the norm are similar to those of the other groups in Korea.

В исследовании производится сравнение уровня социального капитала в странах Азии и других стран с использованием индекса, построенного как первая главная компонента для 44х переменных (доверие общее и институциональное, справедливость, права человека, нормы, коррупция, доля участия граждан в религиозных, культурных, спортивных, политических и др. организациях, доля мигрантов в населении, и др.).

The distribution of social capital varied widely among the nine East Asian countries included in the study. Japan, Taiwan and Korea ranked among top 25, but ASEAN 4 (Thailand, Malaysia, Indonesia, and Philippines) scored less than average. Vietnam and China ranked low in 66th and 68th place, respectively.

Regarding the individual components of social norms, East Asian countries exhibit weaker rule of law and more public corruption than more developed countries in Western Europe and North America. With regard to social structure, East Asian countries tend to have greater income inequality, weaker political rights, more inefficient democracy and more ineffective government. All these factors contribute to the below-average scores for social norms and social structure observed for East Asian countries.

We found that social capital is significantly related to various social and economic indicators, such as per capita income, education, infant mortality, regulatory quality, and happiness. This empirically confirms the theoretically predicted effects of social capital. The significant relationships between social capital and socio-economic indicators imply that one can achieve strong economic performance without increasing social conflicts, the side effect of fast economic growth.

ГЛАВА 3. РОССИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ

3.1. Обзор теоретических трудов

Понятие солидарности и его вариации

Проводя поиск истоков осмысления понятий солидарности и доверия в России и русском мире, необходимо отметить одной из характерных черт русской философии - ее тесную и глубокую связь с религиозным мировоззрением. На религию как на социобразующий фактор указывали многие отечественные мыслители. Сейчас такое понятие актуально назвать национальной идеей.

Одними из первых тему единения в обществе подняли славянофилы, а продолжили начатую славянофилами актуализацию христианства В. Соловьев, П. Флоренский, Н. Бердяев, С. Булгаков, Н. Лосский, С. и Е. Трубецкие, Г. Федотов, С. Франк и др. Они пришли к выводу о том, что социальные дисгармонии могут быть преодолены при установлении в общественном сознании христианства как духовной доминанты. Так, в теории С. Франка общественная жизнь характеризуется борьбой между началом солидарности и началом индивидуальной свободы, и главная функция церкви – быть связующей и направляющей силой в этом процессе. Источник общественных связей, по его мнению, находится в служении и утверждении общественного единства в святыне.

Аналогом церкви в процессе формирования солидарности в обществе в ряде работ является государство. Здесь можно привести в пример концепцию «государственного охранительства» К. Победоносцева, а также теоретические разработки К. Леонтьева, Л. Тихомирова и других мыслителей-апологетов русской монархии.

Семейный быт и народная традиция как фактор солидаризации рассматривался И. Киреевским, К. Аксаковым, Н. Данилевским, Н. Страховым, К. Леонтьевым, В. Соловьевым, К. Победоносцевым, А. Герценом, Н. Чернышевским, Б. Чичериным. Они полагали, что традиционные семейные отношения и быт в России препятствуют усложнению форм социальной жизни и социально-политическим кризисам.

В данном контексте мы видим большое пересечение с результатами исследований европейских, в особенности немецких, ученых в области солидарности и доверия, что позволяет сделать вывод о том, что механизмы измерения солидарности и доверия в российском и немецком обществе могут сильно коррелировать между собой.

Аргументы в пользу развития свободной общины в контексте механической солидарности выдвигали представители дворянской оппозиции. Согласно П. Пестелю, социальный идеал включает в себя общину как первичную ячейку общества, где имеет место соборность. А. Герцен указывал, что общинный социализм может осуществиться в условиях российской действительности на основе русской крестьянской общины. Здесь мы видим довольно сильное пересечение с восточной традицией Израиля и Палестины, где с начала XX века и по сей день, успешно функционируют коммуны – киббуцы.

Идеи соборности требуют отдельного рассмотрения. В соответствии с воззрениями А. Хомякова, соборность трактуется как особый род общности, характеризующийся свободой, любовью и верой. Любовь является основой соборного общения с миром и людьми. Схожесть интересов и взаимопонимание в обществе обосновывается в соборности общей любовью к тем же самым абсолютным ценностям.

С. Булгаков и П. Флоренский заменяют «соборность» термином «кафоличность», которая обозначает единую жизнь в единой истине.

Принцип «всеединство» также выражает отсутствие противостояния единства и свободы. Согласно В. Соловьеву, идеалом является всемирное теократическое общество, формирование которого означает осознание всеми людьми в силу их нравственной сущности общечеловеческих ценностей. Объединение людей по принципу нравственной общности создаст необходимую общественную солидарность. Нравственное общество, по В. Соловьеву, определяется «характером свободной общности, или практического всеединства, в силу которого все составляют цель деятельности для каждого и каждый для всех», и «все члены общества составляют не границы друг для друга, а внутренне восполняют друг друга в свободном единстве и духовной любви».

С. Франк прямо указывает на солидарность как одну из основ социальной жизни. Начало солидарности базируется на сознании внутренней близости человека человеку, сочувственном сопереживании, интуитивном взаимном понимании, интимно-семейной близости, на общности интересов между отдельными людьми внутри социальных групп, из которых складывается общество как целое. Он отмечает, что классовая борьба предполагает наличие классовой солидарности, война – правил международного права, истинный интернационализм – общение между собой разных национальностей, сознающих себя как нация.

Франк отмечает, что из начала солидарности как принципа, обуславливающего саму общественную связь между людьми и вытекающего из единства «мы» («соборности»), следует единство целого, которое слагается из малых союзов и объединений и непосредственно зиждется на близости между конкретными людьми.

Противоборство между «я» и «мы» - противоборство между началами свободы солидарности, сменяющееся согласованностью тогда, когда каждое из них воспринимает свое бытие как служение. Служение же здесь надо понимать, как исполнение должного, как служение Божьей правде. Таким образом, вполне правомерно рассматривать понятие «солидарность» как близкое по смыслу или даже как наиболее приемлемый эквивалент понятию «соборность».

Активное использование понятия «солидарность» можно проследить в учениях главных идеологов народничества, рассматривать которое в текущем исследовании следует с позиции органической солидарности. Так, несмотря на то, что для М. Бакунина история человечества «является не чем иным, как продолжением великой борьбы за существование, составляющей, согласно Дарвину, основной закон органической природы», он верит в наступление эры подлинно человеческой организации жизни – «человечности». Это и есть, по его мнению, социализм, который только и способен реализовать идею установления общества «всеобщей солидарности».

По мнению П. Кропоткина, сфера солидарного является всеобщей и охватывает природный (органический) мир и общественную жизнь человечества, так как и там, и там действует один и тот же закон «взаимопомощи». Солидарность выражается в виде инстинкта общественности, более сильного, чем инстинкт самосохранения. Кропоткин приходит к выводу о том, что личность получает возможности для развития в обществе, представляющем собой федерацию свободных производственных саморазвивающихся ассоциаций, члены которых, руководствуясь правилами солидарности, регулируют свои отношения посредством «взаимных соглашений», традиционных обычаев. Такая общественная организация должна сменить конкурентные формы человеческого общежития, основанные на централизованном государстве. Поэтому исторический прогресс Кропоткин связывает не с борьбой классов, а с фактором взаимопомощи и солидарности.

Социальный идеал П. Лаврова, уделявшего большое внимание проблеме прогресса в общественном развитии, понимается им как общество сознательной солидарности. Всемирность социалистического движения он расценивал как всемирный союз солидарного человечества, основой которого является сходство идеологий трудящихся различных стран. Видя в рабочем классе реальное воплощение «сознанной» формы солидарности, П. Лавров при этом не проводил качественного отличия между трудом промышленного пролетариата и трудом крестьянства, делая акцент на сходстве их социально-психологических и нравственно-этических характеристик. По его мнению, русский народ имеет достаточно прочную основу для солидарности небольших групп, а, следовательно, и в целом для развития общежития на началах «рабочего» социализма.

Для Н. Михайловского высшим критерием общественного прогресса является всестороннее развитие личности. Совершенное же общество должно состоять из таких личностей, «которые способны к взаимопониманию, взаимоуважению и общим усилиям ради достижения счастья». Лучшей формой объединения людей Н. Михайловский считал простую кооперацию (общественный союз равных, когда у людей одинаковые интересы и функции), с которой у него коррелируется понятие «солидарность».

Солидарность или кооперация людей, проходящая в своей эволюции три стадии: насильственную, полунасильственную и добровольную, выступает основным критерием общественного прогресса в учении Л. Мечникова. Роль природной среды, по его мнению, заключается в том, чтобы научить людей солидарности и взаимопомощи, сначала силой страха и принуждения, затем на основе выгоды, и, наконец, на основе свободного выбора.

П. Ткачев полагал, что прогресс в обществе возможен только в результате устранения конкурентной борьбы за капитал в ходе социальной революции и последующих за ней мер. Основой построения социалистического идеала могут быть поземельная крестьянская община и рабочая производственная ассоциация, где сольются воедино личность хозяина и работника, трудящийся будет собственником производства, будут уничтожены все привилегии капитала. Таким образом, общественный идеал П. Ткачева, подобно другим идеологам народничества, исключал классовую борьбу и конкуренцию, и предполагал полное равенство, гармонию интересов, общую солидарность.

Главным идеологом русского солидаризма считают С. Левицкого, считавшего основной чертой социального бытия взаимодействие между индивидами и социальными группами, которое обусловлено воздействием множества факторов — конкретными социально-экономическими условиями, уровнем развития в данном сообществе свободы, солидарности, борьбы. В ее понимании развитие общества может быть обеспечено при наличии частной собственности, а также убежденности членов общества в необходимости взаимной ответственности друг перед другом и обществом. Высшее развитие, согласно С. Левицкому, солидарность получила именно в христианстве.

Эффект всеобщей солидарности в построении цивилизации братства продолжал у русских исследователей ассоциироваться с христианским учением. Г. Гинс сформулировал общие принципы солидаризма с учетом как советского, так и западно-европейского общества, выдвигая на первый план в развитии солидарного общества общность духовных и культурных ценностей. Он понимал солидаризм как «учение о государстве и обществе, этической основой которых является идея солидарности, находящая свое выражение в добровольных объединениях лиц с общими интересами и координации расходящихся интересов государством, действующим в строгом соответствии с демократическими принципами».

Среди современных исследователей существует точка зрения, что солидаризм — это стратегия мобилизации социума в периоды серьезных кризисов или угроз. Очевидно, что данная позиция отражает реалии и актуальные потребности сегодняшнего дня. Интерес представляет также понимание солидаризма как предполагающего согласованные действия всех социальных субъектов, пресекающих социальное иждивенчество, паразитизм и пренебрежение солидарными стереотипами поведения на всех уровнях социума. Причем это должно касаться не только рядовых граждан, но и политической и экономической элиты общества.

В свою очередь, осознание ответственности политической и экономической элиты, а также бизнеса перед обществом породила поиски таких социальных технологий, которые бы позволяли примирять интересы всех участников социального процесса. Поэтому доктрина «собственность обязывает», изображавшая частную капиталистическую собственность как служение обществу получила распространение в этических кодексах многих крупных компаний.

Доверие как комплементарное солидарности понятие

Параллельно с понятиями солидарности и солидаризма, ученые изучают такое понятие, как доверие, являющееся практически неотъемлемым с первыми. Понятие доверия является нравственным понятием, выражающим такое отношение одной личности к другой, которое исходит из убежденности в ее добропорядочности, верности, ответственности, честности, правдивости.

С этой позиции противоположностью доверия выступает недоверие, понимаемое как состояние, в котором искренность и честность человека подвергаются сомнению. Однако такое противопоставление является оправданным далеко не всегда.

В работах отечественного историка и социального психолога Б. Поршнева предложены некоторые основания для разведения содержания и происхождения обобщаемых феноменов (доверия/недоверия). Отвергая представление о том, что

доверие есть всего лишь отсутствие недоверия, Б. Поршневу отмечает, что эти явления могут сосуществовать.

Используя аналогию с физическими законами, он считает, что основанная на доверии сила прямого влияния слова на психику индуцирует (хотя и не автоматически) ограждение, складывающееся из разных психических механизмов. Недоверие и есть первый феномен из серии этих охранительных психических антидействий. Понимая доверие как предрасположенность к внушению и зависимости от другого человека, Б. Поршневу отмечает, что «зависимость» первичнее, материальнее, чем «внутренний мир» одиночки. По мнению ученого, недоверие есть отношение, формирующее внутренний мир человека: психическая независимость достигается противодействием зависимости. Таким образом, способность не доверять, наряду со способностью доверять, – онтогенетически и филогенетически одно из древнейших образований.

Предметом ряда эмпирических исследований отечественных психологов выступает доверие на разных стадиях онтогенеза и развития субъектности: доверие к себе как внутриличностное образование старших подростков является предметом исследования О. Голубь, особенности взросления при разных моделях доверительных отношений у подростков изучала А. Чернова, доверительные отношения личности как детерминанту восприятия индивидуальности анализирует С. Достовалов, а исследование Е. Крищенко посвящено доверию к себе как условию становления субъектности на этапе перехода из школы в вуз.

Многие положения теоретических работ были подтверждены в рамках прикладных исследований доверия и недоверия. В их ряду можно выделить несколько хорошо оформившихся направлений исследований.

Эмпирические исследования А. Журавлева и В. Сумароковой, В. Познякова посвящены анализу доверия современных российских предпринимателей различным видам организаций и деловых партнеров. Доверие в коммерческой деятельности и деловых отношениях изучали: Г. Агуреева, И. Антоненко, А. Кибанов, Т. Нестик, А. Филиппов и В. Денисов, П. Шихирев.

Как показывает анализ, работы психологов тесно переплетаются с проблематикой и методами исследований экономистов и социологов (Ю. Веселов, А. Ляско, Е. Капусткина, Б. Мильнер, В. Радаев, М. Синютин и др.). В частности, Б. Мильнером изучается роль доверия в социально-экономических преобразованиях в обществе. Ряд исследований посвящен формированию доверия в массовом инвестиционном поведении (В. Дулич, О. Кузина), доверие населения к российской банковской системе (Н. Ермакова, Д. Литвинов).

В контексте проблемы социально-психологического внушения (В. Бехтерев, Б. Поршневу, К. Платонов, В. Кравков, В. Куликов, А. Новоселова) доверие понимается как предрасположенность к внушению и зависимости от другого человека.

В. Куликов выявил особую форму психологической защиты, которая противостоит нежелательным для личности внушениям – контрсуггестия (недоверие). В ходе экспериментальных исследований было установлено, что личность контрсуггестивна прежде всего к тем внушениям, которые расходятся с ее взглядами и убеждениями. Таким образом, сходство или различие ценностных ориентаций – одно из условий возникновения доверия или недоверия. На основании этого

можно высказать предположение, что доверие и недоверие имеют ценностно-смысловую основу.

Работы ученых И. Антоненко, В. Сафонов, Т. Скрипкина, В. Зинченко, Д. Данкин, В. Сафонов, Т. Скрипкина, Ю. Веселов, и др. говорят о том, что на сегодняшний день нет четкого разграничения понятий (феноменов) доверия и веры, доверчивость (личностное свойство), доверительность (характеристика отношений и общения), уверенность, расчет.

Ряд исследователей подмечают любопытный вывод фактора доверия в общественной и профессиональной жизни, такие показатели конкурентоспособности, как скорость и качество координированных действий в стратегических инициативах (В. Шнайдер и Д. Боуен), направленных, например, на разработку новых продуктов, улучшение качества потребительских сервисов, товаров и услуг.

Целый ряд авторов проводит изучение отдельного научного направления доверия, как компонента политического и общественного сознания. Среди них: В. Бодюль, И. Владыкина и С. Плесовских, В. Горяинов, Д. Дайкин, В. Дахин, К. Завершинский, Г. Кертман, А. Комина, Ю. Копылова, Ю. Левада, Н. Лобанов, Д. Ловелл, В. Лукин, Б. Мильнер, В. Минина, В. Мирошниченко, Т. Мозговая, Д. Ольшанский, Т. Скрипкина, Г. Солдатова, Н. Тишкова, Н. Ямко и др.

Проблеме политического доверия в международных отношениях посвящены труды Д. Данкина. Предметом анализа Ю. Копыловой является доверие населения как фактор повышения социального статуса органов государственной власти. В исследовании А. Коминой анализируются авторитет, ответственность, доверие как императивы власти. Факторы недоверия институтам государственной власти и управления исследовала В. Минина. Доверие и недоверие как общественную и социальную проблему рассматривают Т. Говир, Ю. Левада, Т. Праворотова, А. Рузанов и др.

Формирование доверия в детских коллективах и в системе учитель-ученик является предметом исследований В. Бормотовой, Н. Гульчевской, В. Дорофеева, С. Достовалова, А. Кокуева, О. Марковой, А. Сидоренкова, Т. Скрипкиной, Г. Тигунцевой и др. А. Роженко изучала особенности эмоциональной, социальной и личностной адаптации к школе детей с депривацией доверительных отношений, а Т. Скрипкина и А. Полина – особенности психического развития дошкольников с депривацией доверия.

Актуальной в современных условиях проблемы доверия как фактора повышения адаптационных возможностей в экстремальных ситуациях посвящено исследование О. Фатхи. Кризис доверия как причину дезадаптации старшеклассников-мигрантов анализируют в своей работе И. Ломаковская и Т. Скрипкина. В. Лебедев исследовал психологию изолированных групп и динамику отношений в них, в том числе в экстремальных условиях. Доверие к руководителю и доверие/недоверие к членам коллектива особо значимы для таких групп.

В настоящее время востребованными на практике являются исследования доверия в психотерапии и психологическом консультировании (В. Козлов, Р. Кочюнас, А. Моховиков, Г. Раковская, А. Скворцов, Н. Устинова, С. Файн, С. Хачатурян и др.). Особенностью многих современных прикладных работ, за исключением исследований межличностного и организационного доверия/недоверия, заключается в

том, что чаще всего оценивается только уровень доверия или недоверия (высокий или низкий) и, соответственно, не анализируется структура этих отношений.

Идеи солидарности и доверия в марксизме-ленинизме и анархизме. Противопоставление государственного единства и общественной солидарности

Классическая марксистская концепция основана на признании классовых интересов и общности. Цель состоит в том, чтобы реализовать интересы рабочего класса революционным путем и установить социалистическое общество. Основа ленинской концепции солидарности не отступает от классической марксистской концепции. Цель состоит в том, чтобы реализовать интересы рабочего класса путем революции и установления диктатуры пролетариата.

При этом солидарность не стала важным понятием в ленинской школе мысли, которая вдохновила направление марксистских партий внутри международного движения труда. При этом сам В. Ленин не занимался вопросами солидарности. Он заявлял, что задачей партии было «объединить все силы во имя народа», но это касалось цели партии, то есть объединения сил под свой лозунг, и ничего не говорилось о том, как отношения и чувства индивидов внутри классов могут быть унифицированы.

Тем не менее Г. Лукач развил ленинскую идею солидарности. Она представляет собой дальнейшее развитие утверждения Маркса о том, что подлинная солидарность невозможна в капиталистическом обществе. Лукач считал, что в капиталистическом обществе идеи солидарности и взаимозависимости в лучшем случае бесполезны. В нормальном смысле человек должен не только воздерживаться от индивидуальной свободы, но и подчиняться коллективной воле Коммунистической партии. Подчинение личности поможет партии построить общество, в котором свобода и солидарность сочетаются в отношениях между свободными людьми, которые чувствуют солидарность друг с другом.

Концепция солидарности приобрела гораздо более важное значение в традициях профсоюзного движения, которое меньше всего занимается вопросами партий. Один из главных идеологов анархизма, М. Бакунин развил концепцию солидарности гораздо большей степени, чем ленинисты. Для Бакунина солидарность была необходимым элементом в каждом обществе. Солидарность – это качество, которое находится в человеке, которое заставляет его объединяться с другими и создавать сообщество. Пролетариат является носителем стандартов гуманности, а руководящим принципом для пролетариата – солидарность.

Наконец, классическая Социал-демократическая солидарность основана на гораздо более широком определении интересов. Это влечет за собой интересы рабочего класса и интересы других популярных классов или слоев и включает принятие различий между этими классами и группами. Кроме того, существует этический или моральный компонент, составляющий основу солидарности. Цель состоит в том, чтобы реализовать интересы большинства путем конкретных реформ.

Марксистско-ленинские партии по-прежнему демонстрировали двойственное отношение к концепции солидарности после Второй мировой войны, а идея соли-

дарности чаще всего выражалась термином «единство трудящихся», который использовался для обозначения сплоченности в рабочем классе.

Малоизвестная статья Н.А. Бердяева «Общественный и бюрократический консерватизм», спровоцировала новый поток обсуждения общественного единства, противопоставляемого государственному. Чиновники существуют в любом обществе, переросшем рамки одной малой общины. Однако бюрократия не есть просто наличие чиновников. Как следует из самого названия, бюрократия есть власть чиновников. Здесь кроется фундаментальное различие между, скажем, традиционным Китаем или Византией и бюрократическими государствами Нового времени. В Китае и Византии чиновников было более чем достаточно, но они не были властью, а служили императору как верховному властителю, при этом каждый чиновник знал, что он обязан служить в рамках данной парадигмы – соответственно конфуцианской или православной. Бюрократия XIX–XXI веков всегда либеральна, даже когда на словах она консервативна; а если и «консервативна», то лишь в самом примитивном смысле «консервирования» удобного для нее статус-кво.

Как и другие представители либерализма – буржуа и интеллигенты – бюрократы смертельно боятся реального государства (в лице монарха, военной и духовной элиты) сверху и народа снизу. Бюрократ, будучи человеком сугубо буржуазного мировоззрения, хотел бы загородиться от всех влияний сверху и снизу и замкнуться в узком мирке «средней» реальности. И когда дух истории в лице войны ли, революции ли, кардинальной реформы сверху ли, стучится в его двери, бюрократ впадает в негодование и ужас, норовя запретить и задушить всё независимое от него и не поддающееся контролю.

Именно этим объясняется тот парадокс, что в Российской империи XIX века всегда революционная и либеральная литература имела весьма свободное хождение, в то время как консерваторов часто преследовали до такой степени, что вовсе лишали их возможностей выступления в прессе.

3.2. Обзор эмпирических исследований и прикладных аспектов солидаризации

В последнее время в контексте обширных общественно-политических изменений в России, достаточно остро стоит вопрос о консолидирующих факторах российского общества, поэтому исследовательский интерес к вопросам солидарности, общественного доверия, социального капитала граждан в обществе является достаточно существенным. Так, исследователи уровня благосостояния жителей разных стран и России в том числе, все чаще обращаются к таким показателям как социальный капитал и доверие при анализе межстрановых различий. Кроме того, предпринимаются попытки объяснения индивидуального благосостояния и счастья с помощью социального капитала страны, уровня гражданской идентичности и включенности населения в сети взаимопомощи.

В России исследовательский интерес и прикладные исследования в основной своей массе имеют фокус на понятиях социального капитала (П. Козырева, А. Лаврикова, Т. Лыткина, И. Стариков, А. Татарко и др.), социальных сетей взаимопомощи (Е. Реутов, Л. Колпина, М. Горшков, Н. Зарубина, Л. Полищук, Р. Меняшев), доверия

(Исследования фонда «Общественное мнение» - сводная таблица с основными исследованиями в Приложении, А. Андрущенко, И. Антоненко, И. Балудцкий, А. Баранов, М. Вахтина, Г. Заболотная, П. Козырева, М. Красильникова, К. Печенкова) и гражданской идентичности (Н. Алексахина, Г. Кальдинова, А. Нуксунова, А. Санина, М. Кузнецова, И. Кондаков).

Исследования уровня доверия как метод вычленения ценностей солидаризации в российском обществе: ВЦИОМ

Среди материалов Всероссийского центра изучения общественного мнения присутствует значительное количество исследований и их результатов, посвященных вопросам доверия в российском обществе.

Чаще всего степень общественной солидаризации проверяется прямыми вопросами отношения к одному конкретному объекту типа «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность...?». Говоря о тех исследованиях, в результатах которых наблюдается наибольшая гомогенность ответов, можно сказать, что важным ценностным ориентиром россиян можно называть позицию сограждан по вопросам:

- Отношения к работе полиции³³;
- Отношения к предпринимательской деятельности³⁴;
- Одобрение конкретных политических персоналий и институций³⁵;
- Отношения к таким профессиям, как учитель, врач³⁶, военный³⁷.

Доверие к социальным институтам, вообще говоря, является практически единственным полем изучения степени солидаризации в обществе вокруг тех или иных факторов – ценностей.

Очевидно, что одним из таких факторов (исходя из специфики самих социальных институтов) выступает полезность их работы с точки зрения защиты и достижения интересов социальных групп.

Так, например, в опросах «Граждане о полиции: доверие, отношение, оценка»^{38,39} на протяжении нескольких лет, уточняется, чьи интересы сегодня защищает данный социальный институт, а в опросах, а среди качественных параметров измерения отношения населения к полиции, вопрос полезности вообще единственный параметр оценки: полиция оказывает гражданам существенную помощь в реше-

³³ Работа полиции: оценки россиян. 2018. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9418>]. Проверено: 01.11.2018.

³⁴ Предпринимательство в России: доверие, барьеры и факторы успеха. 2017. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3605>]. Проверено: 01.11.2018.

³⁵ Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий. 2018. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9286>]. Проверено: 01.11.2018.

³⁶ Рейтинг доверия профессиональным группам. 2016. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=219>]. Проверено: 01.11.2018.

³⁷ Врач в России: доверие пациентов, доходы, положение в обществе. 2017. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3590>]. Проверено: 01.11.2018.

³⁸ Работа полиции: доверие и оценки. 2017. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8766>]. Проверено: 01.11.2018.

³⁹ Граждане о полиции: доверие, отношение, оценка. 2014. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=677>]. Проверено: 01.11.2018.

нии их проблем / помощь гражданам от полиции незначительная, хотя и вреда от нее нет / гражданам от полиции больше вреда, чем пользы. Аналогичным образом, в опросах «Предпринимательство в России: доверие, барьеры и факторы успеха», фигурирует вопрос «Как Вы считаете, деятельность российских предпринимателей идёт на пользу обществу или во вред?». Здесь же значимость фактора полезности подчеркивается и наиболее популярным ответом россиян на открытый вопрос «В чем состоит основная польза от деятельности российских бизнесменов и предпринимателей для россиян?». Ответ «Рабочие места / занятость / зарплата» описывает наиболее насущные экономические проблемы, влияющие лично на гражданина или его окружение. Тезис подтверждают и таблицы опроса «Доверие к социальным опросам»⁴⁰, в котором во-первых, присутствует такой вопрос как «Почему вы считаете, что опросам можно / нельзя доверять?», во-вторых, наиболее популярным среди россиян ответом является «Власть должна знать мнение людей для решения их проблем».

Вопросы доверия и солидаризации по опросам ВЦИОМ также можно оценить исходя из проверяемой ими готовности российских граждан к взаимовыручке. В частности, в исследовании «Работа полиции», респондентам предлагается такой вопрос, как: «Представьте себе такую ситуацию. Вы идете по улице и никуда особенно не спешите. Вас останавливает полицейский и просит помочь. Как вы поступите?». При этом варианты ответа позволяют определить не только общее отношение к социальному институту, но и конкретные стоп-факторы в его работе.

Наибольший интерес среди опросов ВЦИОМ представляют исследования, непосредственно посвященные вопросам единства и единения российского народа. Среди таковых на протяжении нескольких лет особую роль играют приуроченные ко Дню народного единства⁴¹ пулы⁴². Здесь выделяются сразу несколько конкретных факторов, способных помочь в оценке степени общественного доверия:

1. Отношение к подобному рода событиям, через открытый вопрос «Какие, на Ваш взгляд, значимые события произойдут в ноябре в жизни страны? Вы можете назвать экономические, политические, спортивные и культурные события», среди ответов на который большинство – о дне народного единства;
2. Определение самого понятия единства российского народа по предлагаемым ВЦИОМ критериям:
 - Все нации мирно уживаются между собой;
 - В трудные минуты Россия объединяется;
 - Поддержка политического лидера и проводимой политики;
 - Это в нашем менталитете, культуре;
 - Люди любят свою страну;
 - Стремление людей к взаимопомощи;

⁴⁰ Соцопросы: зачем и почему? 2017. [URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8783>]. Проверено: 01.11.2018.

⁴¹ Национальное единство на фоне социальных противоречий. 2016. [URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=453>]. Проверено: 01.11.2018.

⁴² В трудные времена россияне объединяются. 2015. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=168>]. Проверено: 01.11.2018.

- В стране нет войн;
 - Объединение в связи с присоединением Крыма;
 - Отмечаем одни праздники;
 - Люди радуются победам наших спортсменов, участвуют в массовых спортивных;
 - Культурных мероприятиях.
3. Определение стоп-факторов на пути к единению через вопрос «Если Вы считаете, что в России НЕТ единения народа, то почему?» и предлагаемые опции ответов:
- Каждый сам за себя, думают только о себе;
 - Народ живет в нищете, большая разница между богатыми и бедными;
 - Озлобленность людей;
 - Многонациональное общество;
 - Нет единой цели, идеи, патриотизма;
 - Государство постаралось расколоть людей;
 - Большое количество мигрантов из Средней Азии;
 - Развитие демократии / влияние Запада;
 - Менталитет;
 - Различие религий, культур;
 - Международные войны / терроризм;
 - Его никогда не существовало.

Говоря о конкретных признаках объединения, а значит и о разделяемых ценностях в российском обществе, стоит упомянуть и исследования ВЦИОМ, в основе которых лежит изучения отношения к символам российской культуры⁴³, таким как национальная кухня, национальные Герб, Гимн, Флаг, национальный кинематограф, произведения литературы и конкретные личности. Формулировка таких вопросов обычно звучит следующим образом: «Назовите фильм/песню/ произведение искусства, который/ая объединяет страну/сограждан / есть в каждом доме?».

Одиночными, но весьма примечательными практиками ВЦИОМ, способными дать представление о степени общественной солидаризации, можно назвать такие варианты исследований, как:

- Исследования страхов россиян, среди которых выделяются несколько кластеров: социальные, экономические, политические, безопасности и т.д. При этом результаты явно показывают и низкую степень общественного доверия к такому институту, как здравоохранение⁴⁴;
- Исследования отношения к пропаганде⁴⁵, выявляющие приверженность к насаждаемым и непосредственного насаждения идей, концепций,

⁴³ Главные символы России. 2018. [URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=9405>]. Проверено: 01.11.2018.

⁴⁴ Чего больше всего боятся россияне? 2017. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=8717>]. Проверено: 01.11.2018.

⁴⁵ ВЦИОМ Спутник, 2017. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=8798>]. Проверено: 01.11.2018.

ценностей как стоп-факторы для общественного доверия, ввиду резко негативного отношения россиян к таким проявлениям;

- Исследования специфических чувств, возникающих по отношению к своей стране, или патриотизма⁴⁶ (через такой набор, как надежда, уважение, любовь, доверие, симпатия, восхищение, разочарование, недоверие, осуждение, скепсис, антипатия, безразличие, и вопросы сопричастности «Ощущаете ли Вы себя патриотом?»).

Исследования солидарности в России

Достаточно общий в теоретическом смысле взгляд на концепцию солидарности, а также практическое ее применение, в эмпирических исследованиях представлено в работе С. Барсуковой «Солидарность участников неформальной экономики, на примере стратегий мигрантов и предпринимателей»⁴⁷. Автор в работе задается вопросами о природе солидарности, а также определяющих ее факторах. В первую очередь, вслед за автором исследования, следует развести понятия солидарности и идентичности, потому как природа этих понятий различна.

Вне идентичности солидарность не возникает, но сама по себе идентичность не является гарантией солидарности входящих в идентификационную группу. Идентичность - процесс выделения себя из среды других, иных, чужих, многих, а вовсе необязательно участников конфликтных отношений. Солидарность же базируется на дуализме «мы» и «они», рассматриваемых во взаимном конфликте.

Таким образом, как утверждает автор, для возникновения солидарности необходима реально существующая угроза интересам конкретной группы или же потенциал возникновения таковой, поскольку даже возможность некоторого ущемления интересов группы может повлиять на формирование солидарности внутри этого объединения.

Групповая солидарность возникает из стечения четырех моментов: 1) жизненные обстоятельства, присущие группе, осознаются как неблагоприятные; 2) характер несчастий объявляется универсальным для нее; 3) находятся «виновные» в создавшемся тягостном положении; 4) ситуация облекается определенной риторикой, получает публичную интерпретацию, приобретает устойчивую дискурсивную форму. Словом, групповая солидарность вырастает не из механической суммы индивидуальных несчастий, а зарождается на базе группового социального неблагополучия, интерпретация которого подчеркивает единую природу трудностей, питаемых действиями «враждебного» окружения.

Интересен факт, что, по мнению Барсуковой, существование солидарности не предполагает обязательности личных контактов между всеми членами группы, оно свидетельствует о потенциальном желании помощи попавшим в сходные обстоятельства членам группы.

⁴⁶ Патриотизм в России. 2017. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=349>]. Проверено: 01.11.2018.

⁴⁷ Барсукова С.Ю. Солидарность участников неформальной экономики. На примере стратегий мигрантов и предпринимателей // Социологические исследования. 2002. №4. С. 3-12.

В проведенном в Москве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге и Краснодаре опросе (N = 271 + 31 интервью), исследовалась солидарность мигрантов в России в контексте занятости в неформальном секторе. Для оценки солидарности были использованы критерии опоры на коллективные действия, включенность в общественные объединения и партии, участие в собраниях и митингах, материальная, продуктовая, информационная и моральная поддержка, поддержка от общественных организаций.

Результаты проведенного исследования демонстрируют следующее:

Во-первых, оказалась не востребованной практика компактного проживания мигрантов. Они «распылены» в пространстве. Исключение составляют редкие случаи мигрантских поселений, где налажены довольно замкнутые производственные циклы и царит особая атмосфера сосредоточения похожих судеб. Обычно же мигранты приезжают к родственникам или друзьям с намерением хотя бы частично задействовать уже существующие социальные сети, а не создавать новые внутри мигрантской диаспоры. В условиях рассеянного проживания их жизненный ареал (и как территория, и как дискурс) сужается до размеров семейно-бытовой сферы, практически не обнаруживая себя во внесемейных социальных отношениях. Во-вторых, российским иммигрантам приходится вуалировать свое положение. Интуитивно они чувствуют пагубность отождествления себя в глазах окружающих с экономической неуспешностью и правовой ущербностью. Да, солидарность основана на единении. Но бытует и более жесткое суждение: солидарность суть способ закрепления и опубличивания идентичности. Соответственно, нежелание придавать огласке факт принадлежности к маргинальному слою - одна из причин слабости мигрантских солидаристских установок. В-третьих, крайняя истощенность мигрантов не оставляет сил (и прежде всего духовных) на верность идеалам, создающим базу солидарности. Мы подчеркивали, что солидарность зиждется на моральном императиве, который восходит к вере в возможность изменить мир к лучшему. Если надежды перестроить ситуацию утрачены, то самыми распространенными и рациональными формами поведения в критических обстоятельствах становятся обращение к родственной материальной участливости или реципрокный взаимообмен услугами в пределах поддерживающих социальных сетей.

В фокусе исследования В. Горяинова «Групповая солидарность и ценностные ориентации»⁴⁸ находится понятие солидарности, которое определяется следующим образом:

Понятие «солидарность» подразумевает способ: 1) ценностно-целевой координации общества»; 2) принятия массовых решений в отношении направления основного вектора исторического процесса»; 3) выдвижения наиболее активных социальных групп на политическую арену.

⁴⁸ Горяинов В.П. Групповая солидарность и ценностные ориентации // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 60-67.

Теоретическая рамка исследования сводится к концепции первичных и вторичных групп Ч. Кули, однако в контексте интересов настоящего исследования, можно утверждать, что данная концепция сходна с теорией кругов доверия Ф. Фукуямы. Как известно, вторичные группы не имеют таких четких границ, как первичные (к примеру, ограничивающиеся семейными отношениями). Однако члены вторичных групп, разумеется, имеют сходные характеристики, среди которых кроме очевидных дохода и национальности, есть и куда более сложные конструкты взглядов, ориентаций и ценностей. Целью исследования Горяинова являлась попытка поиска ведущей социальной группы (групп), ценности которой разделяются представителями других групп в рамках процесса солидаризации. Исследование проводилось с использованием данных опроса, проведенного фондом «Общественное мнение».

Исходной базой служили данные опросов общественного мнения, проведенных в 1994 г. фондом «Общественное мнение». В статье И.М. Клямкина приведена таблица, где по столбцам указаны 12 социальных групп респондентов, а по строкам ценности. Она послужила для нас исходной основой. На пересечении столбцов и строк указаны доли приверженцев (в %) тех или иных ценностей в отдельных социально-профессиональных группах. Указанные доли приверженцев рассматривались как рейтинги исследованных 59 ценностей. В нашем же исследовании была осуществлена вторичная статистическая обработка указанных данных методами корреляционного и регрессивного анализа.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что существует достаточно высокий уровень солидаризации среди соседствующих по положению в обществе вторичных социальных групп (например, директора и председатели колхозов, предприниматели и фермеры, фермеры и колхозники). Кроме того, любопытным для автора результатом стало то, что в ведущую группу выделился так называемый рабочий класс, ценности которого разделяли и все остальные вторичные группы, однако это укладывается в марксистскую теорию о значимости рабочего класса.

У них преобладают ценности социального равенства, трудовой этики, ориентации на защиту и выживание в жесткой социальной среде, апелляция к общечеловеческой морали и Богу, а также к личным качествам, например, терпеливости.

Исследования социального капитала, ценностей и солидарности

Исследования солидарности в России и регионах зачастую сопряжены с концепцией социального капитала в различных его проявлениях.

В исследовании «Ценности и социальный капитал как основа социально-экономического развития»⁴⁹ Н. Лебедевой и А. Татарко предпринята попытка оценки влияния некоторых социокультурных факторов на благосостояние в обществе. Исследователи приходят к выводам, что уровень социального капитала в

⁴⁹ Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5, № 4. С. 135-143.

стране и культурное наследие в существенной степени может объяснять более высокую удовлетворенность населения качеством жизни и уровень его благосостояния. Говоря о социальном капитале, авторы сводят его значение к ключевому, по их мнению, понятию – доверию.

При обсуждении проблемы социального капитала возникает вопрос о его составляющих и показателях. Главным из них, или «ядром», является доверие. Доверие, являясь основным компонентом социального капитала, играет роль своеобразной «смазки», позволяющей группе или организации функционировать более эффективно. Любое общество обладает тем или иным запасом социального капитала, реальные различия между обществами обусловлены так называемым «радиусом доверия». То есть кооперативные нормы, честность, взаимность могут практиковаться в отношении небольших групп людей, не затрагивая остальных членов того же общества.

Доверие, в свою очередь, авторы разделяют на межличностное и институциональное, применяя при этом методику измерения World Values Survey (вопрос: «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?» и доверие социальным институтам). Интересным можно считать то, что в рамках измерения социального капитала, как определяющей характеристики для социально-экономического развития, авторы предлагают добавить к анализу и такое явление как гражданская идентичность.

Если проводить аналогию – доверие является своего рода смазкой «социального механизма», позволяющей ему функционировать быстро и без сбоев. Однако, с нашей точки зрения, необходимо учитывать еще ту реальность (можно назвать ее «социальным клеем»), которая скрепляет детали «социального механизма». Эту роль в общественных отношениях выполняет гражданская идентичность. Каким образом можно оценить состояние гражданской идентичности? С нашей точки зрения, гражданская идентичность, как и этническая, имеет две важных характеристики – определенность (степень четкости, ясности, оформленности) и валентность (степень позитивности -негативности).

Еще одним важным эмпирическим показателем в проведенном исследовании являются ценностные ориентации россиян, измеренные с помощью переработанной авторами под российскую действительность культурно-универсальной методологии группировки ценностей Шварца (Консерватизм – Автономия, Иерархия – Равноправие, Мастерство – Гармония), которая была обращена в следующую: Стабильность жизни – Самореализация, Доминирование – Равенство, Поиск удовольствий – Духовность. Кроме того, в динамике исследователи получили выводы о том, что наблюдается рост интериоризации таких ценностных блоков как Стабильность жизни и Поиск удовольствий.

По результатам исследования авторы приходят к заключению, что в России уровень межличностного доверия связан с эффектом поколения, но при этом не увязан с географией проживания людей. Относительно институционального доверия, авторы получили некоторую классификацию социальных институтов по уровню доверия к ним:

Первая категория – социальные институты, которым россияне мало доверяют. Это политические партии, пресса, милиция, местное правительство, региональное правительство, телевидение, армия, федеральное правительство, парламент. Вторая категория – социальные институты, пользующиеся средним уровнем доверия россиян – система правосудия, профсоюзы, крупный бизнес. Третья категория – социальные институты, уровень доверия россиян к которым выше среднего. Это общественные и международные организации, Президент, Церковь, образовательные учреждения.

Сила и валентность гражданской идентичности измерялась с помощью двух вопросов о гражданской принадлежности индивида: «В какой степени Вы ощущаете себя представителем своего государства?» (5-балльная шкала) и «Какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы гражданин своего государства (РФ)?» (5 – гордость, 4 – спокойная уверенность, 3 – никаких чувств, 2 – обида, 1 – ущемленность). По результатам проведенных замеров авторы утверждают, что при анализе средних значений силы и валентности гражданской идентичности получились следующие результаты:

Сравнительный анализ характеристик гражданской идентичности молодежи и взрослых позволил выявить межпоколенные различия обеих ее характеристик. Молодежь имеет, во-первых, более «сильную» гражданскую идентичность и, во-вторых, значительно более позитивную, чем взрослые. Это благоприятные показатели для формирования социального капитала, который способствует экономическому развитию.

Авторы признают валидность конструкторов социального капитала, гражданской идентичности и ценностных ориентаций граждан в вопросах формирования политики в сфере социально-экономического развития государства, стало быть, данные концепты могут быть использованы и при попытках построения индексов общности и социального благосостояния населения.

Еще одна работа А. Татарко «Культурно-психологические особенности социального капитала этнических групп России»⁵⁰ имела несколько более расширенную методологию измерения социального капитала для индивидов. Помимо индексов межличностного, институционального доверия и гражданской идентичности к компонентам социального капитала была добавлена также социальная сплоченность и этническая толерантность. Социальная сплоченность измерялась автором как кумулятивный индекс взаимодействия респондента с социальными институтами (семья, друзья, коллеги, руководство, церковь, образовательные учреждения, милиция, политические партии, органы правосудия и пр.) по следующим параметрам:

1. *Насколько часто респондент контактирует с представителями данных институтов;*
2. *Насколько значимы для него эти контакты;*
3. *Удовлетворенность результатом этих контактов;*
4. *Субъективная оценка своего вклада в удовлетворенность этими контактами другой стороны.*

⁵⁰ Татарко А.Н. Культурно-психологические особенности социального капитала этнических групп России // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 2. С. 67-80.

Для оценки этнической солидарности автором использовалась методика опросника проекта «Mutual Intercultural Relations In Plural Societies»⁵¹ (MIRIPS). Респондентам предлагалось выразить согласие по 5-балльной шкале с предложенными вопросами (Примеры вопросов: «Хорошо, когда люди разных рас и национальностей живут в одной стране?», «Мигранты имеют такое же право выбирать будущее России, как и люди, которые здесь родились и выросли?» и др.).

Данное исследование проводилось в Республике Башкортостан (опрашивались башкиры и русские), Ставропольском крае (опрашивались чеченцы, армяне, дагестанцы) и в Москве (опрашивались русские). Общий объем выборки – 286 чел.

Обсуждая результаты проведенного исследования, автор указывает, что уровни доверия и социальной сплоченности россиян находятся на достаточно низком уровне, однако показатель гражданской идентичности, особенно ее позитивной составляющей достаточно высок. На основании этого автор делает вывод о том, что основой социального капитала в России на данный момент является показатель гражданской идентичности. Кроме того, автором обнаружены статистически значимые различия в уровне социальной сплоченности в этнических группах русских, башкир, армян (проживающих в России), чеченцев и дагестанцев.

В работе «Сети взаимопомощи в региональном сообществе»⁵² авторский коллектив (Е. Реутов, Л. Колпина, М. Реутова) рассматривает взаимодействия жителей Белгородской области в контексте социального капитала, межличностного доверия и укорененности ресурсов в социальных сетях с использованием концепции М. Гранноветтера о силе слабых связей. Был проведен массовый опрос жителей Белгородской области по репрезентативной квотной выборке (N = 1000). Центральными концептами исследования являлись социальные сети и практики взаимопомощи в региональном сообществе.

Сети взаимопомощи мы рассматриваем как комплекс относительно стабильных и долговременных взаимодействий неформального характера, не имеющих выраженной организационной структуры и выполняющих по отношению к их участникам функцию наращивания объема личного и социального капитала.

Социальные сети, доверие в них и практики взаимопомощи рассматриваются авторами в контексте социального неравенства, отмечая, что в настоящее время в России разлажена коммуникация общества и государства по вопросам обеспечения благосостояния граждан.

Социальные сети выступают либо альтернативой формальных институтов, либо ко-институтом, параллельно выполняющим задачу социальной адаптации и компенсирующим недостаточность индивидуальных ресурсов. В настоящее время недостаточная эффективность адаптационных функций государственных и негосударственных социальных институтов, уменьшение объема институционального доверия создают запрос на дея-

⁵¹ Mutual Intercultural Relations In Plural Societies. URL: [https://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips]. Проверено: 01.11.2018.

⁵² Колпина Л.В., Реутов Е.В., Реутова М.Н. Сети взаимопомощи в региональном сообществе // Регион: экономика и социология. 2011. № 2. С. 137-157.

тельность сетевых форм взаимной поддержки и сетевых механизмов социальной адаптации.

Ключевыми показателями, попытка к измерению которых была предпринята в исследовании, являлись эффективность социальных сетей (измеренная как интенсивность полезных контактов и объемы ресурсов, полученных в качестве помощи), а также уровень доверия в сетях различного радиуса (семейно-дружеские отношения, географические сети, сети в трудовом поле, контекст миграционного сообщества) измеренный в контексте принципа реципрокности (возвратности блага). Большой блок анкеты исследования был посвящен попытке оценки структуры ресурсов, укорененных в различных социальных сетях в контексте доверия и взаимопомощи – респондентам задавались вопросы о том. К кому они могли бы обратиться в случае необходимости получения некоторого типа ресурсов (социально-коммуникационных, информационно-психологических, материальных, трудовых – классификация авторов исследования).

Предпосылкой формирования сетей взаимопомощи является наличие установок у их потенциальных участников, прежде всего ожидание поддержки извне в трудной жизненной ситуации («Если вы оказались в трудной ситуации, на чью помощь вы рассчитываете?»). Изучение установок населения показало преобладание в них индивидуализма и самодостаточности, хотя скорее всего их степень преувеличивается респондентами. В трудных жизненных ситуациях люди рассчитывают в первую очередь на себя (такой ответ дали 58,8%). В несколько меньшей степени данная установка характерна для сельских жителей, в большей – для населения городов, что вполне объясняется меньшей атомизацией внутри сельского сообщества. Результаты исследования показывают, что социальный капитал, выраженный в неформальных связях, достаточно интенсивно используется населением региона для решения самых разнообразных жизненных проблем. В течение последних двух лет личные связи были задействованы: для получения медицинской помощи, социальной поддержки, льгот (46,5%); для поиска работы, трудоустройства (26,1%); для защиты прав (26%); для регистрации имущественных и иных прав (15,5%); для улучшения жилищных условий (15%); для организации собственного дела (11,5%); для устройства в образовательное учреждение (11%).

Для того чтобы сети взаимопомощи не смешивались респондентами с повседневной помощью и поддержкой внутри домохозяйства, в анкете ставился вопрос только о родственниках, проживающих отдельно.

Результаты исследования показывают, что в зависимости от того, недостаток какого ресурса испытывает человек, та сеть взаимопомощи, в которую он обратится, будет отличаться. Кроме того, разница в обращении также существует и в зависимости от социально-демографических характеристик человека и его материального положения. Однако следует отметить, что, хотя уровни доверия и эффективность сетей взаимопомощи снижается при продвижении к «периферии» сети социальных контактов конкретного человека, это необязательно сопряжено с отсутствием «запроса» на получение ресурсов. Таким образом, авторы заключают, что сети взаимопомощи являются важным фактором интеграции сообщества.

В работе Р. Меняшева и Л. Полищук «Экономическая отдача от социального капитала: о чем говорят российские данные»⁵³ авторы задаются вопросом, какие формы социального капитала оказывают влияние на благосостояние российских городов и какие существуют «передаточные механизмы» между состоянием основных политических и социальных институтов и социальным капиталом. В работе рассматривается влияние закрытых и открытых социальных групп (связывающего и открытого капитала по Лину) и горизонтальная и вертикальная природа трансформации социального капитала в благосостояние посредством мобилизации ресурсов сетей: в случае, когда мобилизация ресурсов направлена на взаимную помощь и поддержку членов собственной сети речь идет о горизонтальной трансформации, когда мобилизация ресурсов означает гражданскую активность и участие в политической жизни государства – вертикальной. Аналитическая модель исследований предполагает оценку подотчетности власти, как показателя влияния социального капитала и оценку гражданской активности, как показателя вертикальной трансформации и передаточного механизма.

Результатом исследования стало понимание того, что, хотя российское общество в целом сложно назвать «движущей силой изменений уровня благосостояния городов», все же социальный капитал, в своем проявлении уровня подотчетности власти дает экономическую отдачу, которая разнится от города к городу. Однако, в отличие от западных исследований, в России не подтвердилась гипотеза о зависимости регионального развития от уровня социального капитала.

Патриотизм и солидарность

Еще одним важным подходом к изучению солидарности и общности в России является фокус на патриотических и гражданских настроениях, ценностях гражданственности.

В работе Л. Рожковой и Н. Васильевой «Гражданственность и патриотизм как основания социальной консолидации российского общества»⁵⁴ проводится вторичный анализ данных социологических исследований, посвященных ценностно-нормативным составляющим гражданско-патриотического семантического поля. Практическая рамка исследования сведена к происходящим в обществе изменениям и преобразованиям:

Происходящие общесистемные трансформации настоятельно требуют поиска путей воспроизводства духовных ценностей, поддержания общенациональной солидарности. Поэтому проблематика актуализации патриотизма и гражданственности в последние несколько лет вышла в ряд первоочередных задач государственной политики. В послании В.В. Путина Федеральному собранию РФ 2012 г. подчеркнута большое значение для современной России патриотических ценностей и ориентаций: «...Быть патриотом значит не только с уважением и любовью относиться к своей истории... а прежде всего служить обществу и стране». В 2013 г. был окончательно вы-

⁵³ Полищук Л., Меняшев Р. Экономическая отдача от социального капитала: о чем говорят российские данные? // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. Т. 2. С. 159-170.

⁵⁴ Рожкова Л.В., Васильева Н.Д. Гражданственность и патриотизм как основания социальной консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 3(121). С. 123-129.

бран курс социокультурного развития России, направленный на сохранение и возрождение духовно-нравственных, моральных ценностей, создающих платформу для модернизационных преобразований и являющихся основой консолидации общества.

Исследование, проведенное авторами, можно назвать компаративным с этнической перспективы, поскольку респондентами выступили русские и туркменские студенты Пензенского государственного университета (N=326).

Что касается измерения патриотичности студентов («Считаете ли вы себя патриотом своей страны?»), авторы получили достаточно интересные результаты, демонстрирующие сильные различия в этнических группах:

По данным нашего исследования (2013 г.), установлены основные отличия в понимании патриотизма студентов – граждан России и Туркменистана. Так, безусловно, характеризуют себя как патриоты своей страны 61% туркменских студентов и всего 5% респондентов по русской выборке. 44% русских студентов и 33% туркменских скорее бы отнесли себя к патриотам. Иными словами, у студентов из Туркменистана наблюдается большая патриотическая самоидентификация, чем у русских студентов, что, по-видимому, связано с тем, что в современном Туркменистане большое значение придается патриотизму, преданности родной земле и семье.

Высокий уровень консолидированности общества обеспечивается единством интересов и потребностей, целей и ценностей, является процессом социокультурно-и ценностно-обусловленным.

Студентам Пензенского государственного университета задавался вопрос: «Какая идея должна стать ключевой для консолидации российского общества?». Ответы респондентов распределились следующим образом: повышения престижа и статуса России как мировой державы (88%); соблюдение прав и свобод граждан (88%); повышение уровня жизни (86%); улучшение состояния экономики страны (76%); формирование общенациональной идеи (67%); межнациональные отношения (65%); моральное состояние общества (47%); патриотизм (47%); рост уровня доверия в обществе (47%); гражданственность (43%). Результаты фокус-групп со студентами подтвердили выявленные тенденции.

По итогам проведенного исследования авторы заключают, что для современного российского общества характерен раскол ценностей. Кроме того, авторы отмечают также и «дезадаптацию социокультурного пространства», говоря о том, что подобные тенденции препятствуют формированию интериоризированных ценностей гражданственности и патриотизма. По их мнению, это обуславливает острую необходимость обращения к идее социальной консолидации общества вокруг некоторой центральной идеи.

В ретроспективном исследовании Л. Дробижевой «Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации»⁵⁵ рассматриваются во временной перспективе два аспекта соци-

⁵⁵ Дробижева Л.М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 119-129.

альной солидаризации – гражданская и этническая идентичность. В работе автор использует результаты массовых опросов по России и опросов в Башкортостане, Саха (Якутии) и Татарстане. Основным фокусом исследования является вопрос о том, противоречат ли друг другу гражданская и этническая идентичности, что в России представляет собой наибольшую значимость и срез каких общественных настроений можно получить, при анализе ответов на вопросы о самоидентификации респондентов в отношении страны, титульной нации и патриотичности в целом.

Гражданская идентичность измеряется автором с помощью таких предикторов как важность проживания в одном государстве, историческое прошлое (территорию, язык, природу, культуру), ответственность за судьбу страны. Этническая идентичность в исследовании представлена анализом ответов на вопросы об ощущении сильной связи с людьми своего этноса, о постоянной памяти, кто они по национальности, и мнения респондентов о том, что человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы, своего народа.

Результаты опросов в Башкортостане, Саха (Якутии), Татарстане свидетельствуют, что интеграционные идеи там поддерживались значительно более широким кругом людей. Представления о России как «об общем доме» разделяли в республиках более 90% опрошенных татар, башкир, якутов, и до 80% – русских. Полиэтничность страны в республиках около 67% русских осознают скорее как преимущество, а не проблему (среди татар, якутов башкир этот показатель чуть выше). В то же время, идею, что русские как наиболее многочисленный этнос должны иметь в стране какие-то преимущества, а титульные национальности, соответственно, в своих республиках, не поддерживают большинство населения этих территорий – ни титульное, ни русское. В ходе опросов фиксировалась высокая (86–91%) степень взаимного доверия между татарами и русскими в Татарстане и башкирами, русскими и татарами в Башкортостане; в Саха (Якутии) этот показатель ниже – порядка 65%.

Интересным для исследователей разных стран представляются и кросс-культурные компаративные исследования различных компонент социального капитала – ценностных ориентаций, генерализованного, межличностного и институционального доверия, групповой идентичности. Так, в исследовании Ф.Адама и Д.Подменик «Социальный капитал в европейских исследованиях»⁵⁶ авторы рассматривают вопросы межличностного доверия в большом количестве стран на данных «European Values Survey» (EVS) и «European Social Survey» (ESS), предлагая нам выводы об уровнях межличностного доверия в постсоветских и постсоциалистических странах.

В новых (постсоциалистических) странах, входящих в ЕС (2004 г.), наблюдалось снижение уровня доверия, исключение представляет только Словения (где доверие по сравнению с 1990 г. выросло, но при этом исходные данные были очень низкие). Показатели ниже 26% определяют эти страны в кате-

⁵⁶ Адам Ф., Подменик Д. Социальный капитал в европейских исследованиях // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 35-48.

горию обществ с низким уровнем доверия (*low-trust societies*) (см. Delhey, Newton, 2005). В категорию обществ с высоким уровнем доверия (*high-trust*) входят страны Скандинавии и Нидерланды, 6 стран – в среднюю категорию (*medium-trust*), остальные (все новые члены ЕС, Португалия и Греция) – в категорию с низким уровнем доверия.

Самый большой рост доверия отмечен в Белоруссии. В Европе эту страну принято относить к авторитарным, при этом на основе данных WVS известно, что в некоторых авторитарных государствах (например, Китае) выявляют высокий уровень доверия. В других странах бывшего социалистического блока – России, Украине и Болгарии, за исключением Румынии – несмотря на снижение тренда, удаётся проследить относительно высокий уровень доверия. Особенно по сравнению с более развитыми государствами Восточной и Средней Европы (включая прибалтийские страны). Это явное противопоставление теоретическим представлениям.

Сравнивая страны бывшего Советского Союза, отметим увеличение включения в добровольные организации в России и Белоруссии, при снижении этого показателя в Латвии и Литве. В то же время в России происходит снижение членства в добровольных организациях и вовлечения в неоплачиваемую работу с повышением уровня общего доверия.

В работе К. Урсуленко «Методика измерения социальной солидарности в украинском обществе. Проверка теории с помощью метода моделей линейных структурных уравнений»⁵⁷ предпринимается попытка конструирования методики измерения уровня социальной солидарности на примере украинского общества. Данное исследование видится существенным в рамках текущего обзора, поскольку общность культур и истории обязывает рассматривать российское и украинское общество в контексте общего исторического развития.

Концепцию социальной солидарности автор предлагает определять следующим образом:

«Социальная солидарность», по моему мнению, – это понятие, описывающее состояние общества или большой социальной общности, при котором существуют: единство ценностей, идей, убеждений, взглядов, интересов, целей общества, общность норм, а так же функциональная взаимозависимость и согласованность в выступлениях и действиях, связанных с реализацией интересов (достижением целей) этого общества или сообщества.

Урсуленко разделяет концепцию Э. Дюркгейма о социальной солидарности (как механической и органической) и предлагает следующий подход к ее измерению: через оценку сходства (разделения ценностей) и включенности (инкорпорированности индивида в социальные сети). Исходя из описанного выше подхода, автор предлагает двумерное измерение социальной солидарности, заключающееся в двух подходах: нормативном и структурном. Для нормативного аспекта измерения социальной солидарности автор предлагает следующие концепты:

⁵⁷ Урсуленко К.В. Методика измерения социальной солидарности в украинском обществе. Проверка теории с помощью метода моделей линейных структурных уравнений // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. № 3. С. 126-157.

Однородность норм и ценностей	Ощущение согласованности собственных ценностей с ценностями окружающих людей
	Ощущение наличия общих социальных норм
Однородность взглядов	Ценностные ориентации в политике
	Ценностные ориентации в экономике
	Ориентации во внешней политике
Общность убеждений	Общность религиозных убеждений
Чувство единства	Осознание объединяющих факторов (национальность, язык общения и пр.)

Для измерения структурного аспекта социальной солидарности автор предлагает пользоваться следующими измерителями:

Интегрированность в систему разделения труда		
Участие в разных сферах общественной жизни		
Сила связи с обществом		
Самоидентификация		
Включенность в социальные сети	Социальная группа	Семья, друзья, знакомые, соседи
	Социальная организация	Коллеги по работе
	Общество	Обычные люди

Исследование проводилось на основании квотной выборки в городе Киеве (N = 200). По результатам проведенного исследования автор предлагает два индекса для измерения социальной солидарности в обществе: индекс включенности и индекс однородности. Индекс включенности представляет собой кумулятивную переменную, вбирающую в себя оценки респондентами по пятибалльной шкале согласия с рядом высказываний.

По содержанию каждый из вопросов этого блока (блока вовлеченности – прим. автора) измеряет уровень вовлеченности респондента в разнообразные системы социальных связей, начиная с межличностных отношений с родственниками или друзьями и заканчивая участием в различных сферах общественной жизни.

Индекс однородности помогает определить, насколько люди сходятся во взглядах, касающихся актуальных проблем общества. Данный индекс измеряется внутри определенной социальной группы и является одинаковым для всех ее членов (разделение определенного рода ценностей всеми членами исследуемой группы). Автор предполагает, что чем выше индексы включенности и однородности, тем выше уровень социальной солидарности. При верификации данной методологии измерения социальной солидарности методом линейных структурных уравнений, автор приходит к выводу о надежности данной методики измерения и возможности ее переноса на другие данные.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Центр ОМ	Год	Название	Ссылка	Формулировки вопросов/ответов	Факторы
ФОМ	2018	Доверие как фактор общественной жизни	http://2035.media/2018/08/23/pautova-interview/	<p>Как вы считаете, можно ли доверять людям или с ними следует быть осторожными?</p> <p>В вашем окружении большинству людей можно доверять или в отношениях стоит быть осторожными?</p> <p>Готовы объединяться с другими для совместных действий</p>	Общее доверие + рассуждения на тему отношения к чужим, другим - национальность, доход, возраст и т.п.
ФОМ	2018	О справедливости. Что устроено справедливо, а что – несправедливо в современном российском обществе?	<p>https://fom.ru/TSennosti/14099</p> <p>2017 год https://fom.ru/TSennosti/13279</p>	<p>Как вы считаете, современное российское общество в целом устроено справедливо или несправедливо?</p> <p>Как вы считаете, в последние три-четыре года российское общество стало более справедливым, менее справедливым, или в этом отношении ничего не изменилось?</p> <p>Почему вы считаете, что в последние годы российское общество стало более справедливым, в чём это проявляется?</p> <p>Почему вы считаете, что в последние годы российское общество стало менее справедливым, в чём это проявляется?</p> <p>Как вы считаете, современное российское общество устроено более справедливо или менее справедливо, чем было устроено советское общество в 70–80-е годы?</p> <p>Какое общество, по вашему мнению, сегодня устроено более справедливо: российское или стран Западной Европы?</p> <p>Одни считают, что то, насколько справедливо российское общество, в большей мере зависит от властей. Другие считают, что то, насколько справедливо российское общество, в большей мере зависит от граждан. Какая точка зрения ближе лично вам?</p> <p>и др.</p>	Справедливость

Центр ОМ	Год	Название	Ссылка	Формулировки вопросов/ответов	Факторы
ФОМ	2018	Патриотизм. Можно ли вслух называть себя патриотом? И обязательно ли патриот должен считать свою страну лучшей?	https://fom.ru/TSennosti/14076 для сравнения https://fom.ru/TSennosti/11471	Вы считаете или не считаете себя патриотом? С вашей точки зрения, какую часть россиян можно назвать патриотами: всех, большинство, половину, меньшинство или никого? По вашему мнению, какую часть ваших знакомых можно назвать патриотами: всех, большинство, половину, меньшинство или никого? Как вам кажется, за последние годы среди россиян стало больше патриотов, меньше, или в этом отношении ничего не изменилось? и др.	Патриотизм
ФОМ	2018	Гражданские права и свободы. Ситуация с соблюдением прав человека, самые важные права и свободы	https://fom.ru/TSennosti/14053	Как вам кажется, права граждан в сегодняшней России соблюдаются хорошо или плохо? Как вам кажется, в сегодняшней России права и свободы всех граждан защищены в равной степени, или права некоторых людей или групп нарушаются чаще? Права каких людей или групп, на ваш взгляд, нарушаются чаще? Как вы считаете, в странах Западной Европы права граждан соблюдаются лучше или хуже, чем в сегодняшней России? Если говорить в целом, как вам кажется, права граждан в СССР соблюдались лучше или хуже, чем в сегодняшней России? и др.	Гражданские права и свободы
ФОМ	2018	Доверие российским СМИ. Объективны ли СМИ в освещении событий? И стоит ли им быть более критичными к властям?	https://fom.ru/SMI-i-internet/12140 то же +динамика https://fom.ru/SMI-i-internet/14028	Как вы считаете, российские средства массовой информации освещают события, происходящие в современной России, в целом объективно или необъективно? Есть ли источники информации, которым вы доверяете больше, чем остальным? И если да, то каким именно? Назовите не более трех таких источников. и др.	Доверие СМИ

Центр ОМ	Год	Название	Ссылка	Формулировки вопросов/ответов	Факторы
ФОМ	2014	Особенности соседства в городах и селах. Какие отношения чаще всего складываются между соседями в городах и селах страны?	https://fom.ru/Obraz-zhizni/11585	Если говорить о ваших соседях по этажу, то вы доверяете им или в отношениях с ними стараетесь быть осторожным(-ой)? Если говорить о тех, кто живет на одной улице с вами, то вы доверяете им или в отношениях с ними стараетесь быть осторожным(-ой)? и др.	Доверие и отношение с соседями
ФОМ	2012	Ответственность, взаимопомощь и доверие в российском обществе. ФОМ выяснил, насколько россияне доверяют друг другу и кому и как помогают	https://fom.ru/TSennosti/10605	Вы чувствуете или не чувствуете ответственность за то, что происходит в вашем городе (селе, поселке)? Вы чувствуете или не чувствуете ответственность за то, что происходит в нашей стране? Как вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными? А если говорить о людях, которые окружают лично вас, то большинству из них можно доверять или в отношениях с ними следует быть осторожными? Есть люди, которые готовы объединяться для совместных действий, если их идеи и интересы совпадают. И есть те, кто не готов объединяться ни в каком случае. К кому бы вы отнесли себя – к первым или ко вторым? и др.	Общее доверие + ощущение ответственности за происходящее
ФОМ	2016	Символика России. Какие символы олицетворяют страну, по мнению россиян?	https://fom.ru/TSennosti/12698 + 2015 https://fom.ru/TSennosti/12189 + 2014 https://fom.ru/TSennosti/12698+%202014%20год%20сравнение%20День%20России%20и%20ее%20символыФОМ%20расспро	Что для вас лично олицетворяет Россию, является её символом? + вопросы о гимне, гербе и флаге	Символы России

Центр ОМ	Год	Название	Ссылка	Формулировки вопросов/ответов	Факторы
			сил%20россиян%20о%20символах%20страны%20и%20празднике + 2013 https://fom.ru/TSennosti/10952		
ФОМ	2014	Россияне о духовности. Растет или снижается духовность в стране?	https://fom.ru/TSennosti/11589	Как вам кажется, что такое духовность? Как вы понимаете это слово? Как вам кажется, сегодня в жизни нашего общества больше или меньше духовности, чем было в советское время? Что, по вашему мнению, сегодня могло бы более всего способствовать росту духовности в жизни нашего общества? (среди ответов - воспитание, вера, национальная идея)	Вера, воспитание, идеология
ФОМ	2018	Образ страны. Что думают о своей стране россияне, и как, по их мнению, относятся ней в мире	https://fom.ru/Mir/13927	На ваш взгляд, мы живём... (просьба оценить страну по парам характеристик): развитая-отсталая богатая-бедная свободная-несвободная	Бедность, свобода, экономическое развитие Образ страны
ФОМ	2014	Честность в теории и на практике. Что россияне думают о лжи? И часто ли лгут сами?	https://fom.ru/TSennosti/11453	Среди ваших знакомых больше правдивых людей или больше людей, которые нередко врут? Как вы думаете, в мире в целом больше правдивых людей или больше людей, которые нередко врут?	Доверие
ФОМ	2017	Взгляды и ценности молодых. Молодые о направлении развития страны, об отношении к мигрантам, секс-меньшинствам и об авторитетах	https://fom.ru/TSennosti/13288	Какие политические взгляды, убеждения вам ближе: социалистические, либеральные, консервативные, анархические или какие-то другие? Если говорить в целом, Россия сейчас движется в правильном или неправильном направлении? Если бы рядом с вами поселились мигранты из Средней Азии, как бы вы к этому отнеслись – положительно, отрицательно или безразлично?	Политические взгляды, отношение к чужим, другим, авторитеты среди известных людей, одобрение

Центр ОМ	Год	Название	Ссылка	Формулировки вопросов/ответов	Факторы
				Как вы лично относитесь к представителям сексуальных меньшинств – с осуждением или без осуждения? Среди известных людей – деятелей культуры, ученых, политиков, спортсменов и т.д. – есть кто-либо, кто является для вас моральным авторитетом, или таких людей нет? + и др.	курса страны и т.п.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдулатипов Р.Г. Культурная повестка России // Вестник МГУКИ. 2014. № 2(58). С. 10-14.
2. Абрамов Р.Н. Мобильные коммуникационные технологии и повседневность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 4. С. 185-192.
3. Авдеева Г.С. Специфика молодежного общественно-политического акционизма в России (по результатам обзора социологических исследований) // XVIII Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования, 19-20 марта 2015г.. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 1199-1208. URL: [<http://elar.urfu.ru/handle/10995/32284>]. Проверено: 01.11.2018.
4. Аврамова Е.М. Средний класс: мировые тренды и российские реалии // Общественные науки и современность. 2018. № 2. С. 22-33.
5. Алексахина Н.А. Тенденции в изменении национальной идентичности народов России // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 49-54.
6. Алёшина М.В. Социальная сплоченность: концептуализация понятия и социокультурные реалии: монография. М.: ООО «Вариант», 2013. 216 с.
7. Андрущенко А.И. Анализ и систематизация научных подходов к формированию типологии доверия (опыт библиографического анализа) / А. И. Андрущенко // Социс. 2013. № 8. С. 126-135.
8. Антоненко И.В. Социально-психологическое исследование феномена доверия. // Дисс. ... док-ра псих. наук. Москва, 2006. 312 с.
9. Антоненко И.В. Социально-психологическая концепция доверия. М.: Флинта, Наука, 2006. 480 с.
10. Анурин В.Ф. Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. 2013. №1. С. 35-46.
11. Артавиа В. Что такое солидаризм, и чьи интересы он защищает? URL: [<http://www.socialistinfo.ru/apriori/405.html>]. Проверено: 01.11.2018.
12. Балущкий И. В. Особенности проявления доверия в статусных межличностных отношениях. Автореф. дисс... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2002. 160 с.
13. Баранов А.А. Уверенность личности в себе и доверие к другому // Зависимость, ответственность, доверие: в поисках субъектности. Материалы Международной научно-практической конференции 24-26 июня 2004 г. Ежегодник Российского психологического общества / Отв. ред. Н. И. Леонов, С. Ф. Сироткин. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. С. 105-106
14. Баранов В.В. Некоторые психологические аспекты доверительных отношений, устанавливаемых оперативным работником с гражданами // Совершенствование деятельности органов внутренних дел в условиях правовой реформы. 1992. №2. С. 152-156.

15. Барашков Г.М. Влияние конфуцианства на особенности становления и развития аналоговой модели гражданского общества стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Известия Саратовского университета. 2017. № 1. С. 113-120.
16. Барбалет Д. Гуанси и социальный обмен: эмоции, власть, коррупция // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 30-41
17. Барсукова С.Ю. Солидарность участников неформальной экономики. На примере стратегий мигрантов и предпринимателей // Социологические исследования. 2002. №4. С. 3-12
18. Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: КДУ, 2010. 288 с.
19. Беспаленко П.Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения // Автореф. дисс. д-ра полит. наук. Ростов н/Д, 2009. 260 с.
20. Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // Журнал социальных исследований. 2012. №2. С. 130-63.
21. Бобкова Е.М. Доверие как фактор целостности общества // Социологические исследования. 2014. №10. С. 70-75.
22. Бодров С. Бедные и богатые в России. URL: [<http://maxpark.com/community/129/content/1789909>]. Проверено: 01.11.2018.
23. В трудные времена россияне объединяются. 2015. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=168>]. Проверено: 01.11.2018.
24. Васильев Л.С., Кобызев А.И. Предисловие // Этика и ритуал в современном Китае: Сб. статей / Под ред. Л.С. Васильева. М., 1988. С. 5.
25. Васильев Л.С., Фурман Д.Е. Христианство и конфуцианство (опыт сравнительного социологического анализа) // История и культура Китая. М.: Наука, 1974. С. 307-380.
26. Вахтина М.А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности // Журнал институциональных исследований. 2011. Т.3 № 3. С. 57-65.
27. Влияние культурного многообразия на социальный капитал в российском контексте // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 47-62.
28. Возможно ли в России правовое государство? // Материалы VII Старовойтовских чтений, НИУ ВШЭ, 23 ноября 2010 г. / Вестник Института Кеннана в России. 2011. № 19. С. 57-84.
29. Волков Ю.Г. Солидарная активность в российском обществе: креативные практики // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 41-48.
30. Врач в России: доверие пациентов, доходы, положение в обществе. 2017. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3590>]. Проверено: 01.11.2018.
31. ВЦИОМ Спутник, 2017. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=8798>]. Проверено: 01.11.2018.
32. Гийон Э. Философия буддизма. М.: АСТ, 2004. 159 с.
33. Гинс Г.К. На путях к государству будущего. От либерализма к солидаризму. URL: [http://sir35.ru/k_gosudarstvu_buduschego1]. Проверено: 01.11.2018.

34. Главные символы России. 2018. [URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=9405>]. Проверено: 01.11.2018.
35. Горшков М.К. Реформы в зеркале общественного мнения // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 3-10.
36. Горшков М.К. и др. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение // Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. 256 с.
37. Горшков М.К. и др. Российское общество и вызовы времени. Книга первая // под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2015. 336 с.
38. Горшков М.К. и др. Российское общество и вызовы времени. Книга третья // под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. 424 с.
39. Горшков М.К. и др. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая // под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 427 с.
40. Горяинов В.П. Групповая солидарность и ценностные ориентации // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 60-67.
41. Гофман А.Б. От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России: Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под ред. А.Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008. С. 9-62.
42. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов. Ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. С. 97-167
43. Гофман А.Б. Солидарность социальная // Современная западная социология: Словарь / Под. ред. Ю.Н. Давыдова, М.С. Ковалева, А.Ф. Филиппова. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 314.
44. Граждане о полиции: доверие, отношение, оценка. 2014. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=677>]. Проверено: 01.11.2018.
45. Граждане и политические практики в современной России: Воспроизводство и трансформация институционального порядка // Отв. ред. С.В. Патрушев. М.: РОССПЭН, 2011. 318 с.
46. Гражданское общество в модернизирующейся России // Аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества — CIVICUS» / Л.И. Якобсон, И.В. Мерсиянова, О.Н. Кононыхина и др. М.: НИУ ВШЭ, 2011.
47. Гудков Л.Д. «Доверие» в России: Смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. Т. 112. № 2. С. 8-47.
48. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 96 с.
49. Гуриева С.Д., Борисова М.М. Доверие как социально-психологическое явление // Вестник СПбУ. 2014. № 4. С. 126-136.

50. Делюсин Л. Модернизация и учение Конфуция // Азия и Африка сегодня. 2002. № 7. С.11
51. Демократия участия в современной России: потенциал и перспективы развития // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 73-90.
52. Дмитриев, А.В., Тощенко Ж.Т. Социологические опросы и политика // Социологические исследования. 1994. №5. С. 42-51.
53. Дробижева Л.М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 119-129.
54. Дюркгейм Э., Гофман А. Б., Сапов В. В. О разделении общественного труда. – Канон, 1996.
55. Жемчугов А. Китайская головоломка // Олма-Пресс. 2004. 351с.
56. Западноевропейская социология XIX века: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. 352 с.
57. Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН, серия Социология. 2003. № 1(4). С. 67-73.
58. Задорин И.В., Евстифеев Р.В., Крупкин П.Л., Лебедев С.Д., Шубина Л.В. Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ // Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля. 2016. 120 с.
59. Зарубина Н.Н. Взаимное уважение как фактор институционализации социальных отношений в современной России // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 87-96.
60. Заславская Т.И., Гудков Л.Д., Ворожейкина Т.Е., Левина М.И., Дахин В.Н, Шейнис Л.В., Холодковский К.Г., и др. Куда идет Россия? // Формальные институты и реальные практики. 2002. [<http://ecsocman.hse.ru/text/19191104>]. Проверено: 01.11.2018.
61. Заславская, Т.И., Лацис О.Р., Фурман Д.Е, Дахин В.Н, Красин Ю.А, Шейнис В.Л, Мендрас М., и др. Куда пришла Россия? // Итоги социетальной трансформации. 2003. [<http://ecsocman.hse.ru/text/19204684>]. Проверено: 01.11.2018.
62. Зорина А.Е., Мозговая А.В. Экологические установки населения, находящегося в ситуации навязываемого риска // Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 8411-8420.
63. Идентификация граждан со своей страной: российские данные в контексте международных сравнений // Федеральный образовательный портал – Экономика, Социология, Менеджмент. URL: [<http://ecsocman.hse.ru/text/29621352>]. Проверено: 01.11.2018.
64. Идеология и философия солидаризма // Материалы научного семинара. 2010. № 9. 128 с.
65. Ильин Е. П. Психология доверия. СПб.: Питер, 2013. 288 с.

66. Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности // Журнал институциональных исследований. 2018. № 1. С. 41-58.
67. Калинин К.О. Исследование социально приемлемого поведения в России: теория и методология // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 1(119). С. 17-40.
68. Кальдинова Г.П., Нуксунова А.М. Этнокультурная идентичность студенческой молодежи Калмыкии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 6(112). С. 23-27.
69. Каргалова М.В. Европейская социальная модель (понятие, которое идет в ногу со временем) // Современная Европа. 2008. № 1 (33). С. 53-65. URL: [http://www.ieras-library.ru/documenti/soveurope/2008/kargalova.doc]. Проверено: 01.11.2018.
70. Каргалова М.В., Егорова Е.Н. Социальное измерение европейской интеграции. М.: Изд-во «Аксиом», 2010. 288 с
71. Кислицына О.А., Измерение качества жизни/благополучия: международный опыт. М.: Институт экономики РАН, 2016. 62 с.
72. Китайцева О.В., Кученкова А.В. Доверие и индивидуализм в мировоззрении современной молодежи восточно-европейских стран // Социологические исследования. 2014. №12. С.97-104.
73. Климова С.Г., Идеи и практики солидарности в добровольческом движении // Социологические исследования. 2013. №6. С. 32-40.
74. Ковалиско Н., Савчинский С. Многомерный анализ социальной стратификации современного украинского общества (региональный аспект) // Социология: теория, методы, маркетинг. 2007. № 3. С. 5-37.
75. Ковенева О.В. Французская прагматическая социология: От модели градусов к теории множественных режимов вовлеченности. // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 5-21
76. Кожемякина О.Н. Принцип солидарности в культуре доверия: социально-философский контекст // Studia Humanitatis. 2015. № 4. URL: [http://cyberleninka.ru/article/n/printsip-solidarnosti-v-kulture-doveriya-sotsialno-filosofskiy-kontekst]. Проверено: 01.11.2018.
77. Козырева П.М. Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2011. 172 с.
78. Козырева П.М. Проблемы укрепления доверия к судебной власти в современной России // Власть. 2008. № 8. С. 97-102.
79. Козырева П.М., Смирнов А.И. Особенности и тенденции адаптации россиян к изменяющимся условиям в постсоветский период // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2016. № 14. С. 133-171.
80. Козлова Т.З. Проблема солидарности в трех социальных традициях. 1997. URL : ecsocman.hse.ru
81. Козырева П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 43–54.

82. Козырева П. М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в её формировании // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 29-39
83. Козырева П.М., Смирнов А.И. Доверие и его роль в консолидации российского общества. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Doverie_rol.pdf]. Проверено: 01.11.2018.
84. Колпина Л.В., Реутов Е.В., Реутова М.Н. Сети взаимопомощи в региональном сообществе // Регион: экономика и социология. 2011. № 2. С. 137-157.
85. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 282-304
86. Кондратьева Н.Б., Потемкина О.Ю. Миграционные проблемы в Европе и пути их решения. М. : Ин-т Европы РАН , 2015. 144 с.
87. Контуры новой армянской идентичности и социальная солидарность // Федеральный образовательный портал. Экономика, Социология, Менеджмент. URL:[<http://ecsocman.hse.ru/text/50486229.html>]. Проверено: 01.11.2018.
88. Корсун В. А. Правящая элита современного Китая: тенденции модернизации и архаизации. URL: [http://files.korrektor.ru/1/Elity_fragment.pdf]. Проверено: 01.11.2018.
89. Кофнер Ю. Солидаризм – экономическая доктрина евразийства. URL: [<http://eurasian-movement.ru/archives/21271>]. Проверено: 01.11.2018.
90. Кошкин В.И. Политэкономия солидаризма: куда пойдет Россия? // Общественно политическая газета «ПРЕЗИДЕНТ». URL: [<http://www.prezidentpress.ru/news/4612-politekonomiya-solidarizma-kuda-poydet-rossiya.html>]. Проверено: 01.11.2018.
91. Красильникова М.Д. Доверие и финансовое поведение населения // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2013. № 1. С. 44-63.
92. Кривоусов В.В. Фактор доверия в минимизации институциональных рисков в системе обеспечения консолидации российского общества // Власть. 2013. №1. С. 34-37.
93. Кузнецова М.Б., Кузнецова М.Н. Идентичность России: восток, запад, востокозапад? // Академический вестник. 2015. № 1(31). С. 14-22.
94. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 571 с.
95. Лаврикова А.А. Социальный капитал как фактор формирования модели политического участия в Российском обществе // Вестник МГОУ. 2017. № 2. С. 109-117.
96. Ланьков А. Конфуцианские традиции и ментальность современного южнокорейского гражданина. URL: [<http://lankov.oriental.ru/fmental.shtml>]. Проверено: 01.11.2018.
97. Латов Ю.В. Сравнительный анализ межличностного и институционального доверия как социального капитала России. URL: [<http://www.civisbook.ru/files/File/Latov.pdf>]. Проверено: 01.11.2018.
98. Лебедева Н.М., Бушина Е.В., Черкасова Л.Л. Ценности, социальный капитал и отношение к инновациям // Общественные науки и современность. 2013. №4. С. 28-41.

99. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5, № 4. С. 135-143.
100. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности и социальный капитал как основа социально-экономического развития // Журнал институциональных исследований. 2010. № 1. С. 7-35
101. Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Экономическая глобализация и современные стратегии противодействия международному терроризму // Ученые записки Санкт Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2006. № 2(26). С. 339-357.
102. Лукьянов А. Е. Лао-цзы и Конфуций: Философия Дао. М.: Восточная литература. 2001. 384 с.
103. Лыткина Т.С. Социальный капитал в решении социальных проблем: практики солидарности бедных в Республике Коми // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 3. С. 130-54.
104. Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2002. С. 170.
105. Мареева С. В. Институциональное доверие и эффективность институтов в сложных жизненных ситуациях: мнение россиян // TERRA ECONOMICUS. 2015. № 3. С. 124-35.
106. Маркин В.В., Силин А.Н. Человеческий и социальный потенциал неоиндустриального освоения Арктики: социологический анализ, моделирование, регулирование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 75-88.
107. Мартыанов В.С. Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности // Журнал институциональных исследований. 2018. № 1. С. 41-58.
108. Маслов А: Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения. М.: Рипол-Классик. 2010. 288 с.
109. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. 424 с.
110. Меняшев Р., Полищук Л. Экономическая отдача от социального капитала: о чем говорят российские данные? // Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.: 2011. Т.2. С. 59-170.
111. Меняшев Р., Полищук Л. Экономическое значение социального капитала // Вопросы Экономики. 2011. № 12(12) С. 46-65.
112. Мерекина О. Гуаньси и бизнес в современном Китае. URL: [<https://magazeta.com/2017/01/guanxi-contemporary-china>]. Проверено: 01.11.2018.
113. Мерсиянова И.В. Мониторинг состояния гражданского общества в России. Возможности реализации и перспективы развития // Эмпирические исследования гражданского общества. 2011. № 1. С. 43-47.
114. Мерсиянова И.В. Российское гражданское общество в региональном измерении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 4(92). URL: https://wciom.ru/books_magazines/zhurnal_monitoring/novuj_nomer]. Проверено: 01.11.2018.
115. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 880 с.

116. Миронова А.А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. №10. С. 136-142.
117. Мирясова О.А. В ожидании закона и порядка // Информационно-аналитический бюллетень Фонда «Общественный вердикт». 2010. № 1(8). С. 31-33.
118. Митрошенков О.А. Отношение населения и госслужащих к существующему правопорядку // Социологические исследования. 2004. №5. С. 113-120.
119. Можина М.А., Овчарова Л.Н., Авдушева Н.Е., Елисеева И.И., Гришанов В.И., Корчагина И.И., Павлова Н.М., и др. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. 1998. URL:<http://ecsocman.hse.ru/text/19177274.html>]
120. Мукомель В.И. Диаспора – партнер по развитию Таджикистана. Международная организация по миграции. Душанбе, 2014. 147 с.
121. Мукомель В.И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия // Мир России. 2014. № 1. С. 137-166.
122. Национальное единство на фоне социальных противоречий. 2016. [URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=453>]. Проверено: 01.11.2018.
123. Никовская Л.И. Консолидация российского общества в условиях кризиса: возможности и ограничения (по материалам социологических исследований) // Политические коммуникации и публичная политика: концепции, методы, сравнение опыта: Материалы XVII Всероссийского научного семинара. Краснодар: Вика-Принт, 2016. С. 170-173.
124. Никовская Л.И. Политическая консолидация и уровни сознания // Разум на распутье: Общественное сознание между прошлым и будущим: Сборник научных статей / Под ред. Ю. А. Красина, А. Б. Вебера, А. А. Галкина. М.: Изд. «Аспект Пресс», 2017. С. 144-160.
125. Новикова О.С., Бабкин И.О., Хоц А.Ю. Мнение региональной элиты // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 37-42.
126. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
127. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с.
128. Нурышев Г.Н., Глобальная геополитика и геокультура // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2011. № 1. С. 177-186.
129. Общественная и политическая активность россиян: основные тенденции.// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 5-6 (67-68). С. 4-13.
130. Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. №4(48). С. 23-31.
131. Окатов А.В. Проблема социальной солидарности в классической социологии // Вестник Тамбовского университета. 2017. Т. 3, №1(9). С. 57-65.

132. Окара А.Н. Социальная солидарность как основа нового «миростроительного» проекта // Перспективы. Фонд исторической перспективы. URL: [<http://www.perspektivy.mfo/prmt.php?ro=5193>]. Проверено: 01.11.2018.
133. Павлова Т.А. Духовная безопасность российского общества как условие обеспечения социальной безопасности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2013. № 5. С. 202-206.
134. Панина Н. Молодежь Украины структура ценностей социальное самочувствие и морально психологическое состояние в условиях тотальной аномии // Социология, теория, методы маркетинг. 2001. № 1. С.5-16.
135. Патриотизм в России. 2017. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=349>]. Проверено: 01.11.2018.
136. Патрушев С.В., Айвазова С.Г. и др. Доверие, гражданское действие, политика: опыт «старых» и «новых» демократий // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008. № 7. С. 518-540.
137. Петренко Е.С., Градосельская Г.В. Российское гражданское общество сегодня: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов // Мир России. 2009. № 1. С. 117-143.
138. Петухов В.В. Внешнеполитические приоритеты массового сознания россиян. // Социологические исследования. 2010. №11. С. 3-13.
139. Петухов В.В. Демократия участия в современной России: потенциал и перспективы развития // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 73-90.
140. Петухов Р.В. Локальные сообщества и гражданский активизм // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2014. №4(122). С. 60-71.
141. Петухов В.В. Общественная и политическая активность россиян: основные тенденции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 5-6 (67-68). С. 4-13.
142. Печенкова К. В. Факторы межличностного доверия в современной России (на примере Тюменской области) // Проблемы и перспективы развития образования: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Пермь, март 2014 г.). URL [<https://moluch.ru/conf/ped/archive/101/5121>]. Проверено: 01.11.2018.
143. Пилипенко А.Н., Пилипенко Ю.И. Роль гражданского общества в институциональной трансформации экономики Украины // Научные труды Донецкого национального технического университета. 2014. № 1. С. 262-272.
144. Плесовских С.Н. Феномен доверия в российском обществе социологические основы и диагностика // Автореферат дис. ... кандидата социологических наук: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2004. 23 с.
145. Плюснин Ю.М., Кордонский Г.С., Скалон В.А. Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей // Опыт феноменологического исследования. 2009. URL:[<http://ecsocman.hse.ru/text/33709444.html>]. Проверено: 01.11.2018.

146. Погосян Г.А. Контуры новой армянской идентичности и социальная солидарность // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 3(75). С. 125-130.
147. Полюшкевич О.А. Солидарность поколений: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 144 с.
148. Портрет солидаризма // Идеи и люди. М.: Посев, 2007. 320 с.
149. Потемкина О.Ю. Вишеградская группа и гибкая солидарность // Журнал общественно политических исследований «Современная Европа». 2016. № 6(72). URL: [<http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620164352>]. Проверено: 01.11.2018.
150. Правосудов С. Солидаризм – будущее человечества? URL: [http://zavtra.ru/blogs/solidarizm_budushee_chelovechestva]. Проверено: 01.11.2018.
151. Предпринимательство в России: доверие, барьеры и факторы успеха. 2017. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3605>]. Проверено: 01.11.2018.
152. Прохоров А. Солидарность подчиненных на предприятиях при различных режимах управления // Социологические исследования. 2002. №12. С. 92-100.
153. Психология общения и доверия: теория и практика. // Сборник материалов Международной конференции УРАО, ПИ РАО, МГУ.- 6-7 ноября 2014 г./ Под ред. Т.П. Скрипкиной. М.: Университет РАО, 2014. 777 с.
154. Пядухов Г.А., Дмитриев А.В. Мигранты в новой среде: практики взаимодействия. URL:[<http://ecsocman.hse.ru/text/50476857.html>]. Проверено: 01.11.2018.
155. Работа полиции: доверие и оценки. 2017. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8766>]. Проверено: 01.11.2018.
156. Работа полиции: оценки россиян. 2018. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9418>]. Проверено: 01.11.2018.
157. Раднаева В.В. Концепция мягкой силы в политической культуре Китая // DOI: 10.7256/2222-1972.2017.1.20798
158. Редлих Р. Об общественном идеале, утопии и солидаризме. URL: [<http://possev.org/jornal/izbran/roman-redlikh-ob-obshchestvennom-ideale-utopii-i-solidarizme.htm>]. Проверено: 01.11.2018.
159. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416с.
160. Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий. 2018. [URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9286>]. Проверено: 01.11.2018.
161. Рейтинг доверия профессиональным группам. 2016. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=219>]. Проверено: 01.11.2018.
162. Ресурс межэтнического согласия в Москве. М.: Институт социологии РАН, 2014. 124 с. URL: [http://www.isras.ru/inab_2014_02.html]. Проверено: 01.11.2018.
163. Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н. Сети взаимопомощи в региональном сообществе // Регион: экономика и социология. 2011. № 2. С. 137-57.

164. Реутов Е.В. Социальные сети и повседневные практики населения Белгородской области // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 34-41.
165. Римский В.Л. Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 27-36.
166. Рожкова Л.В., Васильева Н.Д. Гражданственность и патриотизм как основания социальной консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. №3 (121). С. 123-129.
167. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 280с.
168. Россия и Китай: опыт сопоставительного изучения социальных изменений в период реформ. Информационно-аналитическое резюме по итогам сопоставительных общенациональных исследований в России и Китае. М.: Новый хронограф, 2012-2016. [http://www.isras.ru/rezyume_Russia_and_China_opyt_sopostav_izucheniya_2016]. Проверено: 01.11.2018.
169. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // Общественные науки и современность. 2005. № 6. С. 34-45.
170. Рубцова М.В., Васильева Е.А. «Доверие»: концептуализация и операционализация понятия в корпусной лингвистике // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 58-65.
171. Руткевич М.Н. Консолидация общества и социальные противоречия. // Социологические исследования. 2001. №1. С. 24-34
172. Рыжова С.В. Идентичность и интеграционные установки в региональном контексте исследование в Москве и Сочи // Вестник института социологии.— М.: 2010. № 1
173. Сасаки М. Семейная социализация и опыт предательства: кросс-национальный анализ доверия // Социологические исследования. 2014. № 2. С. 10-24.
174. Санина А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 57-65.
175. Свеженцева Ю. Что такое партнерство и как его измерять: концептуальные и операциональные аспекты социального феномена // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 2. С. 133-148.
176. Семёнов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 37-43.
177. Сендеров В.А. Портрет солидаризма. М.: Посев, 2007. 320 с.
178. Сендеров В. Солидаризм – третий путь Европы? // Новый Мир. 2003. № 2. URL:[http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/2/send.html]. Проверено: 01.11.2018.
179. Сердюков Б.В. Гражданская солидарность в сфере общественной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2018. Т. 11. № 2. С. 172-189.

180. Симачева А.И. Взаимосвязь локуса в континууме доверие-недоверие с активностью жизненного самоосуществления // Дисс. ... канд. псих. наук. Томск, 2015.
181. Симонова Е.В. Доверие органам местного самоуправления и участие граждан в региональных практиках инициативного бюджетирования: характер взаимосвязи. (На примере Тверской области) // Научный результат. Социология и управление. 2017. Т. 3, № 1. URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-organam-mestnogo-samoupravleniya-i-uchastie-grazhdan-v-regionalnyh-praktikah-initsiativnogo-byudzhetrovaniya-harakter>]. Проверено: 01.11.2018.
182. Скрипкина Т.П. Сравнительный анализ уровня выраженности социального и межличностного доверия молодежи южно-российского региона с другими регионами России // Доверие в социально-психологическом взаимодействии: Коллективная монография / Под ред. Т.П. Скрипкиной. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2006. С. 93-114.
183. Соловьев С.С. Методика измерения социальной напряженности в вооруженных силах.// Социологические исследования. 1993. № 12. С. 68-73.
184. Стариков И.Г. Социальный капитал и социальная мобильность в Махачкале, или Что делать, если у тебя нет влиятельных родственников? // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 153-164.
185. Социальная солидарность как проблема классической и современной социологии // Социологический ежегодник. М.: ИНИОН РАН, 2011.
186. Соцопросы: зачем и почему? 2017. [URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8783>]. Проверено: 01.11.2018.
187. Стратегия «Формирование регионального солидарного общества» на 2011-2025 годы. URL: [<http://docs.cntd.ru/document/469027022>]. Проверено: 01.11.2018.
188. Татарко А.Н. Культурно-психологические особенности социального капитала этнических групп России // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 2. С. 67-80.
189. Татарко А.Н., Миронова А.А, Чувашов С.В. Влияние культурного многообразия на социальный капитал в российском контексте // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 47-62.
190. Тертицкий К.М. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. М., 1994. 343 с.
191. Тихонова Н.Е. Мечты россиян «об обществе» и «о себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? // Общественные науки и современность. 2015. №1. С.52-63.
192. Тулузакова М.В. Стратегия формирования солидарного общества практика, социальные риски и перспективы. // Изв. Саратов. ун-та.. 2014. Т.14, №2. С. 26-30.
193. Туровский Р.Ф. Региональное измерение электорального процесса (Концептуальные основы исследований) // Общественные науки и современность. 2006. №5. С. 5-19.

194. Удовлетворенность населения уровнем безопасности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. №4(92). С. 58-69.
195. Урнов М.Ю. Что есть справедливость? (Попытка анализа массовых представлений) // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 71-88.
196. Урнов М.Ю., Соболев А.С., Соболева И.В. Ценностная неоднородность общества как фактор социальной динамики – эмпирическая проверка теоретической модели // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 43-57.
197. Урсуленко К.В. Методика измерения социальной солидарности в украинском обществе. Проверка теории с помощью метода моделей линейных структурных уравнений // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. № 3. С. 126-157.
198. Филиппов А.Ф. Мобильность и солидарность: Статья первая // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 4-20.
199. Филиппов А.Ф. Мобильность и солидарность: Статья вторая // Социологическое обозрение. 2012. Т.11. № 1. С. 19-39.
200. Хархордин О.В. Прагматический поворот // Социологические исследования. 2007. № 1 С. 32-41.
201. Харченко К.В. Удовлетворенность: методология и опыт муниципальных исследований. // Альперия. 2011. URL:[<http://ecsocman.hse.ru/text/33539835.html>]. Проверено: 01.11.2018.
202. Харченко К.В. Электронная городская община как сочетание народных традиций и современных технологий // Управление городом: теория и практика. 2014. №1. С. 50-59.
203. Хлопин А.Д. Социум клик как российский тип социальной организации Граждане и политические практики в современной России: Воспроизводство и трансформация институционального порядка // Отв. ред. С.В. Патрушев. М.: РОССПЭН, 2011. С. 68-75.
204. Чего больше всего боятся россияне? 2017. URL: [<https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=8717>]. Проверено: 01.11.2018.
205. Чжао Тидун. Лунь миньцзу чуаньтун вэньхуа ды чжутисин // Бэйцзин дасюэ сюэбао. Пекин, 1994. №3. С.121-128.
206. Чукас Е.А. Влияние Конфуцианской философии на семейно-бытовые отношения в Китае // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск. Благовещенск, 2002. С. 439.
207. Шиняева О.В., Зосименко И.А. и др. Формирование солидарного общества в регионе как фактор предотвращения социальных конфликтов и напряженности. 2018. URL: [<https://www.twirpx.com/file/732986>]. Проверено: 01.11.2018.
208. Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. От античности до современности // Социологические исследования. 2006. №5. С.103-112.
209. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. 440 с.

210. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. СМ. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.
211. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. 416 с
212. Шишелина Л.Н. Вышеградская четверка и Европейский Союз // Современная Европа. 2007. №4(32). С. 56-69. URL: [<http://visegradeurope.ru/вышеградская-четверка-в-европейском-2>]. Проверено: 01.11.2018.
213. Шукюрова М.Г. Доверие как социально-психологический феномен в политике // Автореферат дисс. ... канд. псих. наук. М., 2005. 158 с.
214. Юйтан Л. Китайцы: моя страна и мой народ; пер. с кит. [и предисл.] Н. А. Спешнева. М.: Восточная литература, 2010. 335 с.
215. Ярская В., Пашинина Е, Медведев К. Социальная сплоченность виртуальных сообществ в фокусе качественных методов онлайн исследования // Вестник СГТУ. 2014. № 4 (77). С.273-281.
216. 2000 Social Capital Community Benchmark Survey. URL: [<https://ropercenter.cornell.edu/2000-social-capital-c..>]. Проверено: 01.11.2018.
217. Ai J. Guanxi Networks in China: Its Importance and Future Trends // China & World Economy. 2006. Vol. 14(5). pp. 105-118.
218. Alexander J. Morality as a Cultural System: On Solidarity Civil and Uncivil // Perspectives: Newsletter of the ASA Theory Section. 2011. Vol. 33 (2). pp. 1-11.
219. Chen J, O'Leary P.F. Impact of guanxi on managerial satisfaction and commitment in China // Asian Academy of Management Journal. 2018. Vol. 23(1). pp. 171-198.
220. Chua V., Ng I. Unequal returns to social capital: the study of Malays in Singapore through a network lens // Asian Ethnicity. 2015. Vol. 16. pp.1-18.
221. Chung S., Choi H., Lee S.S. Measuring Social Capital in the Republic of Korea with Mixed Methods: Application of Factor Analysis and Fuzzy-Set Ideal Type Approach // Social Indicators Research. 2014. Vol. 117(1). pp. 45-64.
222. Coleman, J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. pp. 95-120.
223. Collins R. Three Sociological Traditions. N.Y.: Oxford University Press, 1985. 272 p.
224. Efremenko D., Evseeva Y. Studies of social solidarity in Russia: Tradition and modern trends // The American sociologist. 2012. Vol. 43(4). P. 349-365.
225. European Social Surveys. URL: [<https://www.europeansocialsurvey.org>]. Проверено: 01.11.2018.
226. European Quality of life survey. URL: [<https://www.eurofound.europa.eu/surveys/european-qual.>]. Проверено: 01.11.2018.
227. European Values Study. URL: [<https://europeanvaluesstudy.eu>]. Проверено: 01.11.2018.
228. Fukuyama F. Social capital and civil society // IMF Conference on Second Generation Reforms. URL: [<https://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm>]. Проверено: 01.11.2018.
229. Gaag M. van der, Webber M. Measurement of individual social capital // Social capital and health. 2008. pp. 29-49.
230. General Social Survey. URL: [<http://gss.norc.org>]. Проверено: 01.11.2018.
231. Glaeser E. L., Laibson D., Sacerdote B. An economic approach to social capital // The Economic Journal. 2000. Vol. 112(483). pp. 437-458.

232. Granovetter M. The strength of weak ties // *American Journal of Psychology*. 1973. Vol. 78(6). pp. 1360-1380.
233. Grootaert C., Narayan D., Jones V.N., Woolcock M. *Measuring social capital: an integrated questionnaire*. Washington, D.C: World Bank Publications, 2004. 62 p.
234. Hamilton K., Helliwell J.F, Woolcock M. *Social Capital, Trust and Well-being in the Evaluation of Wealth*. 2016. 23 p. URL: [<http://documents.worldbank.org/curated/en/249031468195550873/pdf/WPS7707.pdf>]. Проверено: 01.11.2018.
235. Harper R., Maryanne Kelly M. *Measuring Social Capital in the United Kingdom*. URL: [<https://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/user-guidance..>]. Проверено: 01.11.2018.
236. Hechter M. *Principles of group solidarity*. Berkeley: University of California press, 1987. 219 p.
237. Hobson J.M. *The Eastern Origins of Western Civilization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 394 p.
238. Jeffries V., Johnston B.V., Nichols L.T., Oliner S.P., Tiryakian E., Weinstein J. *Altruism and social solidarity: Envisioning a field of specialization* // *The American sociologist*. 2006. Vol. 37 (3). P. 67-83.
239. Juul S. *Solidarity and social cohesion in late modernity: A question of recognition, justice and judgment in situation* // *European Journal of Social Theory*. 2010. Vol. 13(2). P. 253-269.
240. Komter A.E. *Social solidarity and the gift*. Cambridge; N.Y.: Cambridge University press, 2005. 234 p.
241. Lee E.Y.-C., Anderson A.R. *The role of guanxi in Chinese entrepreneurship* // *Journal of Asia Entrepreneurship and Sustainability*. Vol. 3(3). pp. 38-51.
242. Lukes S. *Emile Durkheim: His life and work: A historical and critical study*. N.Y.: Harper & Row, 1972. 676 p.
243. Lin N. *Social Networks and Status Attainment* // *Annual Review of Sociology*. 1999. Vol. 25(1). pp. 467-487.
244. Maluccio J., Haddad L., May J. *Social capital and household welfare in South Africa, 1993-98* // *Journal of Development Studies*. 2000. Vol. 36(6). pp. 54-80.
245. Mishler W., Rose R. *What are the Consequences of Political Trust?: A Test of Cultural and Institutional Theories in Russia* // *Comparative Political Studies*. 2005. Vol. 38(9). pp. 1015-1049.
246. Mishler W., Rose R. *What are the Origins of Political Trust?: Testing Institutional and Cultural Theories in Post-Communist Societies* // *Comparative Political Studies*. 2001. Vol. 34(1). pp. 30-62.
247. *Mutual Intercultural Relations In Plural Societies*. URL: [<https://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>]. Про-верено: 01.11.2018.
248. Narayan D., Pritchett L. *Cents and Sociability: Household Income and Social Capital in Rural Tanzania* // *Economic Development and Cultural Change*. 1999. Vol. 47(4). pp. 871-897.
249. *National Survey of Families and Households*. URL: [<https://www.ssc.wisc.edu/nsfh>]. Проверено: 01.11.2018.
250. Osa M. *Solidarity* // *International encyclopedia of the social sciences* / Ed. By W.A. Darity jr. 2nd ed. Detroit (MI): Thomson & Gale, 2008. Vol. 8. pp. 23-25.

251. Panel Study of Income Dynamics. URL: [<https://psidonline.isr.umich.edu>]. Проверено: 01.11.2018.
252. Phan P.C. Catholicism and Confucianism: An intercultural and interreligious dialogue // Catholicism and interreligious dialogue. pp. 169-207.
253. Phillips S., Bonevac D. Introduction to world philosophy. New York: Oxford University Press, 2009. 296 p.
254. Putnam R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York, NY: Touchstone Books by Simon & Schuster, 2001. 541 p.
255. Putnam R. D. Social Capital: Measurement and Consequences // Canadian Journal of Policy Research. 2001. Vol. 2(1). pp. 41-51.
256. Putnam R. D. The Prosperous Community: Social Capital and Public Life // The American Prospect. 1993. Vol. 13. pp. 35-42.
257. Procacci G. Solidarity: History of the concept // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / Ed. by N.J. Smelser, P.B. Baltes. Amsterdam: Elsevier, 2001. Vol. 21. pp. 14585-14588.
258. Qian S. The Role of Guanxi in Chinese Entrepreneurship. A qualitative study on how Chinese entrepreneurs make use of guanxi networks during the development of micro firms. [<http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:530871/FULLTEXT02>]. Проверено: 01.11.2018.
259. Rose R., McAllister I. The Loyalties of Voters: A Lifetime Learning Model. Newbury Park, CA: Sage, 1990. 219p.
260. Ross E. Social control: A survey of the foundations of order. Cleveland (OH); L.: Press of Case Western Reserve University, 1969. 463 p.
261. Sumner W.G. Folkways: A study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores and morals. Boston (MA): Ginn, 1906. 692 p.
262. Sun J., Wang X. Value differences between generations in China: a study in Shanghai // Journal of Youth Studies. 2010. Vol. 13. pp. 65-81.
263. Tang W. Interpersonal Trust and Democracy in China. URL: [<http://www.asianbarometer.org/publications/3c07a171c9b89b9aad5c0c2e371b346f.pdf>]. Проверено: 01.11.2018.
264. The problem of solidarity: Theories and models / Ed. by P. Doreian, T.J. Fararo. Amsterdam: Gordon & Breach, 1998. 414 p.
265. The Project on Human Development in Chicago Neighborhoods. URL: [<https://www.icpsr.umich.edu/icpsrweb/PHDCN/about.jsp>]. Проверено: 01.11.2018.
266. Tiryakian E. Modernity and the second return of mechanical solidarity / Ed. by M. Cherkaoui, P. Hamilton. Oxford: Bardwell press, 2009. pp. 1-22.
267. Turner B.S., Rojek Ch. Society and culture: Principles of scarcity and solidarity. L.: Sage, 2001. 249 p.
268. Understanding Society. URL: [<https://www.understandingsociety.ac.uk>]. Проверено: 01.11.2018.
269. Woolcock M. Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework // Theory and Society. 1998. Vol. 27(2). pp. 151-208.

270. Woolcock M., Narayan D. Social capital: Implications for development theory, research, and policy // World Bank Research Observer. 2000. № 15(2). pp. 225-249.
271. Yao X.-Z. An Introduction to Confucianism. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 344 p.
272. Yoshino R. A Social Value Survey of China: On the Change and Stability in the Chinese Globalization // Behaviormetrika. 2006. Vol. 33(2). pp. 111-130.
273. Audier S. La pensée solidariste. P.: PUF, 2010. 340 p.
274. Blais M.-C. La solidarité: Histoire d'une idée. P.: Gallimard, 2007. 347 p.
275. Borlandi M. Deux siècles de solidarité(s) // Durkheimian studies. 2008. Vol. 14(1). P. 103-113.
276. Bouglé C. Le solidarisme. P.: Giard, 1924. 204 p.
277. Bourgeois L., Croiset A. Essai d'une philosophie de la solidarité: Conférences et discussions. P.: Alcan, 1902. 287 p.
278. Durkheim E. Le suicide: Etude de sociologie. P.: PUF, 1960. 461 p.
279. Durkheim E. Leçons de sociologie. P.: PUF, 1997. 281 p.
280. Duvignaud J. La solidarité: Liens de sang et liens de raison. P.: Fayard, 1986. 232 p.
281. Gide Ch. La solidarité: Cours au Collège de France, 1927-1928. P.: Presses universitaires de France, 1932. 214 p.
282. Grégoire H. Essai sur la solidarité littéraire entre les savants de tous les pays. P.: Les principaux libraires, 1824. 23 p.
283. Marion H.F. De la solidarité morale: Essai de psychologie appliquée. P.:Baillière, 1880. 336 p.
284. Parijs Ph van. Refonder la solidarité. P.: Cerf, 1996. 108 p.
285. Repenser la solidarité: L'apport des sciences sociales / Sous la dir. de S. Paugam. P.: PUF, 2011. 980 p.
286. Solidarité (politiques de) // Dictionnaire de la sociologie / Sous la dir. de R. Boudon, Ph. Besnard, M. Cherkaoui, B.-P. Lécuyer. P.: Larousse, 1995. pp. 213-215.
287. Thévenot L. Faire entendre une voix: Régimes d'engagement dans les mouvements sociaux // Mouvements. 1999. N 3. pp. 73-82.
288. Thévenot L. L'action au pluriel: Sociologie des régimes d'engagement. P.: La Découverte, 2006. 310 p.
289. Luhmann N. Die Differenzierung von Interaktion und Gesselschaft. Probleme der sozialen Solidaritat // Solidaritat in der Welt der 80er Jahre: Leistungsgesellschaft und Sozialstaat. Basel/Frankfurt/M., 1984. S. 79-96.